

Двадцатого сентября с утра мы всей палатой пошли на завтрак. Первым убежал прожорливый дед, который к этому моменту уже начинал понемногу говорить, хотя понять его было сложно. За ним вышел Константин Геннадьевич, далее подались мы с Петей, а вскоре в столовой появился наш забывчивый товарищ. Пока мы не торопясь работали веслами, хлеба питательный супчик с паренхиматозными тканями неизвестного животного, он выпил стакан кофейного напитка и ушел.

Когда мы пришли в палату, его там не было. Ни у кого не возникло ни одной нехорошей мысли, если бы минут через десять Петя не хватился своего телефона. У него был старенький смартфон «Самсунг», работавший чуть ли не на угле, купленный на честные крестьянские деньги после продажи урожая картошки несколько лет назад. Петя полез под подушку, чтобы достать свой аппаратик, потом откинул подушку и в сердцах прошипел:

— Вот с-сука!

Пока я соображал, к чему относится столь страшное ругательство из уст человека, который всегда говорил только «Спасибо!» и «Спокойной ночи!», Костя открыл тумбочку и продублировал Петю:

— Вот с-сука! Кошелек пропал! Сергей! Нас обчистили!

Мой смартфон всегда лежал в кармане штанов, поэтому остался при мне: людям я не доверяю априори. Я заглянул под кровать и не обнаружил барсетку.

— Тварь!

Ничего не пропало только у инсульта, потому что у него ничего и не было, кроме личной крышки на унитаз и каких-то нестиранных тряпок. Мы, не сговариваясь, глянули на пустую кровать, где обитал Иван-не-помнящий-родства, и Константин посеменил на пост дежурной медсестры.

Там случилась легкая паника. Женщины в белых халатах зацокали каблуками по палатам и лестницам, и через пять минут к нам в палату забежал запыхавшийся охранник. Мы сообщили ему о пропавших вещах, и он тут же схватился за рацию. Петя едва не плакал. Спецстрой произносил слова, которые никак не вязались с его интеллектуальной бородкой, а я думал: как же я теперь попаду домой? Денег в барсетке было немного: всего четыре сотни. Хотя это были мои последние четыре сотни! Но главное — ключи от квартиры тоже были там! И больше ключей от моей квартиры нет ни у кого в мире!

Мы поклялись, что если эта тварь тут появится, то мы с Костей удавим его ночью подушкой, а Петя подержит за ноги. Арнольду Борисовичу мы все объясним, и он, как человек порядочный, выпишет справку, что скончался болезный от сердечного приступа. Прибежал собственной персоной — только помяни!

Петров услышал новость и только развел руками:

— Медицина тут бессильна! Кто ему вставил собачий мозг — тот пусть и извлекает! Неандерталец! Урод чисто биологический! Охрану уже вызвали?

Я хотел сходить поискать похитителя, но понимал, что поймать его не смогу, даже если увижу в пяти шагах от себя. Однако сидеть на месте мой возмущенный организм не мог. Я сообщил, что иду выпускать пар на лавочку. Все потерпевшие меня поддержали, и мы всей вагагой вышли из палаты.

Услышав шум, в коридоре уже выстроились все, кто мог стоять без посторонней помощи: от бабьего любопытства лекарства еще не придумали. Больные всех полов и возрастов спрашивали друг у друга: что случилось? Едва узнав новость, мужики предлагали различные способы расправы над собакой: от клизмы со скипидаром до отправки на органы, а бабы ахали и бежали в свои палаты прятать кошельки и косметички.

Константин Геннадьевич громко сообщил собравшимся, что нас обокрал, втеревшись в доверие, один либерал, который к тому же ненавидит сестру Галину и медиков вообще, и что мы все идем на улицу.

— Украли? Много? И ключи свистнули. Вроде у Галины. А там же все уколы наши! Багюшки! Куда? Куда идут? На улицу? Вроде либералов ловить? Что брать-то с собой? Мужики! На выход! Тут контра завелась! — доносилось отовсюду.

Мы со Спецстроем и Петей пошли вниз по лестнице, и когда, подойдя к выходу, оглянулись, то с изумлением увидели, что весь ходячий второй этаж валит за нами, как рабочие на первомайскую стачку.

Через полчаса весь корпус напоминал встревоженный муравейник. Вообще-то мы просто хотели посидеть на свежем воздухе и успокоиться, но отступить было поздно! Спецстрой встал на лавочку и толкнул речь о нравах нынешней либеральной демократии — пособнице английского капитала — и методах борьбы с ней, которые успешно применял к подобным отщепенцам и двурушниками товарищ Сталин. Докладчик закончил речь словами:

— И порядок был! И культ был, но и личность тоже была! Слово предоставляется моему товарищу Сергею!

Я не хотел вставать на лавочку, но народ засвистел, а из задних рядов закричали, что так им ни хера не видно. А народ все прибывал. В толпе уже замелькали белые халаты, люди доставали мобильники и включали камеры, обещая чуть ли не прямой эфир. Пришлось залазить на импровизированную трибуну. Что говорить — я понятия не имел, да и опыта таких докладов у меня, конечно, не было. Но ключи от хаты было жаль! Черт! Там же еще был брелок от новой «Тойоты»! И паспорт с правами! И медицинский полис! Да я вообще этого не переживу!

Поэтому я собрался с духом и сообщил, что у меня поперли барсетку с ключами, документами и последними деньгами. Куда катится Россия? А нынешняя милиция, видимо, охраняет не трудовой народ от воров, а наоборот, и за то время, что мы тут стоим, Глеб Жеглов уже изловил бы банду «Черная кошка» — не то что барсеточника с амнезией! А нынешние блюстители только и умеют, что крышевать цыган, толкающих народу дурь.

Я честно сорвал овацию! Мне даже не хотелось слезать с трибуны, но тут к корпусу подъехал милицейский уазик, из которого два дюжих полисмена вытащили нашего пациента. Тот еле стоял на ногах и мычал что-то нечленораздельное. Оказавшись перед нашим кипящим от возмущения разумом, он выпучил глаза и ударил себя в грудь:

— Я ниче не брал! Чтоб мне мох всю жизнь сосать!

Увидев несанкционированный митинг и узнав в чем дело, полиция малость обалдела. Кто-то крикнул, что сюда едет телевиденье, и менты поправили форму и приосанились. Прибежал Арнольд Иванович. Вместе с ним вышел к народу встревоженный пожилой мужчина в белом халате, и по толпе прокатился шепоток: главный, главный, это главный, сам! Поговорив с полицией, главный повернулся к публике и извещил:

— Товарищи! Успокойтесь! Преступник задержан! Похищенное найдено! Потерпевшие здесь?

Мы втроем протолкались через народ и предстали перед начальством. Полиция была в нерешительности. Сержант спросил, разрешен ли митинг, но бабы угрожающе загудели, и он вовремя заткнулся.

Выяснилось, что наши вещи, к счастью, были на месте, но они оказались нужны как вещественные доказательства преступления. Плюс к тому, что нам их не хотели отдавать, требовалось еще заявление от потерпевших и справка от главврача, что преступник — пациент, грубо нарушивший правила стационара. Мы заверили последователей Глеба Жеглова в том, что заявление напишем сегодня же, и нам в виде исключения вернули вещи. Видимо, потертый на углах и битый жизнью Петин телефон скупщиков краденого не заинтересовал. Мои ключи и документы, к счастью, были на месте, кошелек Константина Геннадьевича — тоже. А вот мои четыре сотни и пять сотен из кошелька соседа алкаш успел пропить. На что он профукал почти тысячу за какой-то час, не отойдя от больницы и двух кварталов, я так и не смог узнать. Видимо, залился коньяком. Дурак-то дурак, а в выборе алкоголя не оплошал!

Мы поблагодарили служивых и пошли в палату писать одно заявление на троих. Амнезию засунули в воронок и пообещали быстро восстановить ему память. Народ еще малость пошумел про Чубайса, рост тарифов и козни международного валютного фонда и потянулся по стойлам дальше залечивать свои болячки и недуги.

Заявление у нас получилось хоть в свободном стиле и короткое, но гневное и не без стиля. Мы не просто указали на факт кражи у больных людей последних денег, но и упомянули о том, что данный пассажир неадекватен в общении, социально опасен и видит в каждом — даже в Арнольде Борисовиче и в сестре Галине! — нехорошего человека! В людях, которые бьются за спасение его как личности, которая, увы, погибла безвозвратно. Расписались, поставили дату, и Петя, как самый молодой, унес телегу главному на четвертый этаж.

С этого дня в палате я почти не сидел. Находился в ней только ночами, когда уставал или когда сильно болели голова и суставы. Почти все остальное время мы сидели или на лавочке перед больничным корпусом, или в холле и смотрели телевизор.

К нам с Константином Геннадьевичем, как к вождям народного движения, приставали с расспросами на самые разные темы или рассказывали какие-то невероятные истории из своей жизни. Многие жаловались на своих врачей, просили пособить в поисках съемного жилья или устроить племянницу помощником депутата. Одна бабушка несколько раз просила Спецстроя заняться проблемой поборов в ЖКХ. Точно пел Высоцкий: «Нам вождя недоставало. Настоящих буйных мало — вот и нету вожаков!»

Из рассказов пациентов о житье-бытье больше всего мне запомнилась история, рассказанная одним длинным худым дядькой с парализованной ногой. Речь зашла про домашних животных, и одна женщина, вместе с нами смотревшая в холле новости по ящику, пожаловалась, что ее кошечка очень привередлива в еде. Ест только говяжью вырезку и какой-то хитрый кошачий корм по цене красной икры.

Длинный рассмеялся и припомнил случай со своим котом, который у него жил еще лет двадцать назад.

— Мой тоже выбирал. Это не хочу, то не буду. Баба разбаловала. А потом мы с бабой разбежались, а кота она мне оставила. Ну, себе «Девятку» и все золото притарילה, а мне взамен оставила самое дорогое, что было у нее. Проходит месяца буквально два — попадаю я на мотоцикле в аварию и ломаю вот эту же самую ногу. Очухиваюсь в больнице и первым делом думаю: как там кот? Сдохнет же с голоду! А жили мы с котом в деревянном бараке на Спандаряна, на первом этаже. Мобильников тогда еще не было! Даю медбрату номер телефона соседа. У того есть ключи от моей хаты. Ну, в смысле, чтоб кота кормил, пока я тут лежу. Тот сходил в автомат, позвонил соседу. Сосед говорит: без проблем! Ну у меня и душа не болит! Провалился я в больнице месяц.

Приезжаю домой. Дверь открывать — а из скважины торчит обломок ключа! Я к соседу. А тот говорит: пошел к твоему коту в гости, а ключ в замке заклинило! Он давно у меня заедал, замок этот. Ну, он крутнул его пассатижами — и обломил. Я говорю: так кота-то ты кормил? Нет, говорит! Ни разу! Я подбегаю с улицы к окну — а мне с той стороны, из хаты, кот лапами в окно вяло так тарабанит и орет: спасите, мол! Сосед принес лестницу. У меня-то нога! Бей, говорю, форточку! Он стекло на форточке разбил, в хату пролез и изнутри дверь открыл. Захожу — мать моя дорогая! Мой Мурзик все цветы сожрал, все помойное ведро вылизал, и что характерно — сожрал пакет лука проросшего! Ладно, что в унитазе протечка, так у него хоть вода была. Я ему хлеба кинул — хлеб до земли не долетел! А такой привереда тоже был! С тех пор мел все подряд, хоть хрен с горчицей. А вы говорите — не ест ничего!

Таких жизненных историй я услышал с полсотни. Про кошек и собак. Про благодарных детей и неблагодарных внуков. Про то, как умер совсем молодой сосед по палате и как в последний момент спасли пожилого соседа по коммуналке. Обычные разговоры больных людей: о здоровье, жизни и смерти. Внутренне расслабившись, я честно рассказал людям, при каких обстоятельствах поймал клеща. Имен не назвал, а про все остальное — бабу и снятые штаны — раскололся как Буратино. На работе перед сослуживцами ни слова не скажу, хоть пытайте! А тут перед посторонними бедолагами доложил все по форме и даже не покраснел. Народ с моей историей катался! Смех, говорят, жизнь продлевает.

Еще мы смотрели телевизор и обсуждали новости. Пара человек были за нынешнюю власть, но большинство — за коммунистов, Жириновского, Сталина и вообще против всех. Разгорались нешуточные споры — за кого голосовать? И какой толк в голосовании, если избирком еще за год до выборов уже все кресла в думе пофамильно расписал между гимнастками, актерами и крепкими хозяйственниками.

Потом бывшие коллеги Константина Геннадьевича привезли ему шахматы и черные шахматные часы, и в коридоре зазвучали резкие щелчки и традиционное: «Лошадью ходи, век воли не видать!» Оказывается, Спецстрой был заядлый шахматист, а среди больных обнаружилось несколько сильных соперников, причем одна — бабушка годов семидесяти семи. Выяснилось, что у нее когда-то был первый взрослый разряд по шахматам и по шашкам.

Время полетело быстрее. Я пытался читать Достоевского, но глаза быстро уставали и начинали болеть сильнее прежнего. Поэтому пришлось ограничиться телевизором вприглядку и радио. Отправил несколько сообщений Юле и Насте. Обе молчали как рыба в пироге. И я понял, что свою лягушку мне придется искать в каком-то другом болоте.

Ну и, конечно, спали в больнице все столько, сколько могли. Если сон — лучшее лекарство, то выздороветь мы должны были безо всяких уколов и таблеток.

Двенадцать часов сна в сутки — это в больнице норма. Капельницы нам с Петей делали уже по одной в день, а Спецстрою — одну в два дня: у того болезнь протекала неизмеримо легче нашего. Уколов тоже стало меньше, и задницы у нас почти перестали от них болеть. И как-то неожиданно сестра Галина в очередной раз взяла у нас троих кровь из вены, а Арнольд Борисович заявил, что завтра выпишывают Петю, через день — меня, а вскоре и третьего товарища по несчастью.

На тот момент я чувствовал себя вполне сносно. Парез лицевого нерва стал практически незаметен, хотя теперь, когда я улыбался, то делал это только правой стороной лица, и моя улыбка могла выгядеть в глазах несведущего человека надменной и циничной. С ногой тоже стало почти как было. Если не бежать стометровку на время, а просто идти по городу — я ничем не отличался от себя прежнего. С рукой дела обстояли хуже. Она поднималась едва до уха и была очень слаба. Я постоянно держал что-то в своей левой, крутил карандаш меж пальцев и сам себе делал массаж плеча.

Петров сказал, что при должной заботе о здоровье я встану в строй к следующему лету. А пока — никакого алкоголя! Никаких солнечных ванн и вообще прямых солнечных лучей! Желательно — никаких женщин и зачатых детей в течение минимум полугода. Но у меня возникла другая проблема, которая окружающим в глаза не бросалась, да и я на нее сначала внимания не обратил.

На другой день за Петей заехал его брат на старенькой «Шестерке». Мы пожали друг другу руки и расстались. Петя взял мой номер телефона и, невзирая на мои протесты, пообещал вернуть деньги за лекарство, как только сможет. Его брат привез два каких-то тяжелых пакета, один из которых Петя отнес врачу, а другой — медсестрам. В палате Петя оставил для нас ведро больших спелых ранеток. Я вышел проводить парня, глянул на машину его брата и вспомнил про свою «Селику». Жива ли еще? Не продали ли ее на стоянке за долги?

— Петя, а тебе машина случайно не нужна? Я свою продавать, наверно, буду.

— Подумываю. А что за колеса у тебя? — поинтересовался тот.

— «Селика». Белое купе. Состояние идеальное.

— Не-е! Зачем мне купе? — засмеялся Петя удачной шутке. — Я, если что, «Ниву» буду брать. Или «Фермера». За купе в деревне засмеют! Непрактично!

— Да, верно. Как-то не подумал. Не болей!

В тот же день к нам подселили нового больного с несмертельным микроинсультом и парезом лица, ровно как был у меня. Мужик страшно переживал, но, узнав, что тут и не таких на ноги ставили и я — тому яркий пример, присмотрелся к моей физиономии и малость успокоился. Вечером, когда его мозг свыкся с новой обстановкой, он рассказал, как попал в это заведение. Я думал, что самая странная и удивительная история госпитализации моя, но выслушав этого парня, я понял, что готов разделить с ним сомнительную пальму первенства. Он работал охранником на вахте. Охранял с напарником деляну с лесом.

— Лесовозы то есть, то нет. Народу то густо, то пусто. И вот выдалось такое затишье дня четыре назад. Никого! А в тайге-то красота! Осень! Мошки нет! Не тайга — парк! Мы ходим — бруснику собираем, жимолость, смородину. Ягоды навалом нынче! И вот ночью мне приспичило. Скрутило с ягоды живот. Темнота. А фонарик сдох! Иду в кусты метров за сто от балка, подсвечиваю себе телефоном, чтоб шею не свернуть. Сажусь. Свет, конечно, выключил. Звезды! Тишина!

— И тут мишка тебе зад подтер? — не удержался Константин Геннадьевич.

— Козел! — выкрикнул Парез, и я сначала решил, что он ругается. — Там козлов много! Сижу и вдруг слышу — кто-то рядом идет! Прямо — вот! Метра

три! И только хотел спичкой чирнуть — он как заорет! У них когда гон — они в голос орут. Не то что орут, а как кашляют так утробно: «Кыхы! Кыхы!» Ну меня кондрашка и хватанула.

Наступило первое октября. Я проснулся от знакомых звуков: сестра Галина принесла капельницу и одним движением воткнула иглу в руку товарища с инсультом. Потом пришла Светлана и воткнула тому пару уколов и дала таблетки. А я лежал и вспоминал ощущение дембеля в армии. Мой курс лечения окончен! В этот момент мне стало страшно. Мне стало страшно ехать домой! Мне было жаль покидать больницу! Этот устоявшийся мир, где ты лежишь, а вокруг тебя суетятся умные люди, заботятся о тебе, лечат, кормят, спрашивают о самочувствии. График жизни устаканился. Лица медсестер, уборщиц, поварих и врачей стали родными.

Завтра я приду на работу — и ни одна тварь не спросит меня о здоровье и самочувствии! Зададут пару вопросов для отвода глаз и через минуту скажут: ну, Сергей, мы подыскали тебе тут работенку попроще. Принимай мойку! Работа ответственная, коллектив хороший. Нет? Тогда вот что, дорогой ты мой: дороги у нас в городе нынче широкие. Выходишь — и хоть направо шагай, хоть налево! И я пойду командовать пьяницами и студентами, из которых больше двух месяцев ни один у нас не работает. А куда деваться? Закралась подлая мысль: чем бы еще таким заболеть, чтобы еще недельки две полежать в тепле и заботе? Нет, всю жизнь не проболеешь! Но насколько плюсы очевидны!

За два дня до этого я сходил в магазин и снял деньги с карты: бухгалтерия перевела мне аванс за вычетом того, что они перечислили в аптеку за мое дорогое лекарство. Сумма не поразила меня количеством нулей, поэтому для сестры Галины, сестры Светланы и Арнольда Борисовича я купил по коробке «Рафаэлло», после чего денег у меня осталось только на то, чтобы заплатить за квартиру, автостоянку и потом не умереть с голоду в течение ближайших двух недель. В палате, чтобы не нарушать традицию, я оставил непечатую банку дареного кофе. Честно говоря, я бы сам никогда не догадался благодарить врачей и медсестер чем-то, кроме слов. Но традиция есть традиция, выглядеть неблагодарной свиньей в глазах спасших меня людей я не хотел, да и мало ли как поведет себя в дальнейшем моя болячка. Привезут снова сюда же с эпилепсией или каким-нибудь синдромом, а сестра Светлана посмотрит и скажет: «А-а! Это тот хмырь, который нам в тот раз конфеты зажопил! Дайте-ка мне иголку подлиннее!»

Зашел Арнольд Борисович и сказал, что все документы будут готовы часам к десяти: у него тяжелый больной в двести четвертой палате, поэтому надо срочно идти туда. Я походил туда-сюда по длинному коридору, потом отнес в процедурный кабинет две капельницы и заметил, что там, где лежат таблетки, моей фамилии уже нет. Нет там и фамилии Снежаны. Видимо, она выписалась уже несколько дней назад и даже не попрощалась. Да и ладно!

Вручил женщинам конфеты и поблагодарил за спасение. Сестра Галина от подношения отказалась в ультимативной форме, отдала мои конфеты Светлане и напомнила, чтобы я непременно появился в доме молитвы и спас вместе с телом еще и душу. Я сказал, что постараюсь.

Потом я переоделся в тот спортивный костюм, в котором меня сюда привезли, снова лег на койку и стал смотреть на часы. Время остановилось. Я представил, как захожу в свою квартиру, и мой пульс подскочил. Что я сделаю первым делом? А потом?

Чтобы убить время, я залез в Интернет и почитал, кто из знаменитостей умер в тридцать три года. Валерий Харламов, Евгений Урбанский, Дженис Джоуплин, Яков Свердлов, Гарри Пильсбери, Брюс Ли, Иисус Христос... Их знали миллионы. А мне за три недели дважды позвонил отец и дважды — с работы.

Пишут, что с ними, умершими в тридцать три, у бога будет особый разговор. Не просто так они умерли. У каждого из них оказался свой крест, свое распятие.

И у меня оказался свой крест. Не крест пока, а так, крестик. Но до дня рождения еще два месяца. Клещей нет, так сосульки скоро пойдут. Гололед. Гепатит Б. Килька с ботулизмом, наконец! Боженька захочет — найдет способ призвать на беседу, и тут никакая каска не спасет. Кажется, я становлюсь фаталистом. Поневоле станешь после такого! Как сказал кто-то в холле у телевизора — я в магию не верю, но она, сука, все равно действует!

Ветеран «Спецстроя» тоже ждал своего часа, который должен был пробить на сутки позже моего. Вечером ему предстояло получить последний укол и пару таблеток. Он еще был в списках. Счастливчик! Правда, переживал за некопаную картошку на даче и боялся, что урожаем придется оставить в земле на зиму: за окном шел холодный осенний дождь, грозящий перейти в ледяную крупу.

— Ну, как самочувствие? — спросил Петров, заходя в комнату и протягивая мне карту больного с кучей каких-то листков и листочков внутри. — Это передадите в свою поликлинику! Сегодня же сходите в регистратуру и запишитесь на прием к своему врачу, а там вас направят к участковому невропатологу. При необходимости обращайтесь в частную клинику. Их визитку я вам, кажется, давал. И аккуратнее пользуйтесь своим неокрепшим мозгом! Никаких стрессов, никаких волнений и скачков давления. Все пока очень шатко. Первое время попрошу без подвигов!

— Спасибо, я понял. Чувствую себя гораздо лучше. Тут я... — завел было я разговор, который откладывал до последнего, и протянул врачу коробку конфет.

— А, спасибо! Не стоило! Удачи!

Он взял конфеты, развернулся и быстрым шагом ушел в следующую палату.

Вот и все. Я так и не сказал ему о своих подозрениях. Дело в том, что с моей головой стало твориться что-то странное. Она почти перестала болеть, чему я, конечно, был очень рад. Глазами я мог вращать не так, как прежде, но, как сказал Петров, динамика тут положительная. Лицо стало почти симметричным, хотя неузнаваемо иным.

Появились мешки под глазами, но дело было даже не в них. Что изменилось в лице — я бы и сам не смог точно сказать. Ведь в нашем фэйсе зашифрована бездна информации! Один миллиметр может сделать его иным, а сантиметр превращает красавца в урод. Мне словно сделали подтяжку лица наоборот. У кожи появилась возможность образовать морщинки, и я чувствовал, что она этим случаем скоро воспользуется. Зато суставы почти перестали болеть. Температура за последнюю неделю поднималась лишь два раза, да и то на один градус.

Но теперь меня беспокоило не лицо и не суставы. На днях я полез в барсетку за деньгами, достал связку ключей и не сразу понял, что у меня в руках. Несколько секунд мне потребовалось, чтобы отличить деньги от ключей. Двумя днями раньше, когда в столовой я однажды захотел взять ложку, то взял вилку, дошел до столика и только тогда понял, что взял вилку, а не ложку. В тот же день я сходил в магазин за конфетами и заодно купил себе мороженое: соскучился по сладкому. Я выбрал понравившуюся упаковку, ткнул пальцем и вдруг понял, что забыл название этого продукта.

— Мне вот эту! Ну, красненькую! — сообщил я продавщице.

Та подала мне стаканчик, я достал из кармана мелочь и не смог понять — хватает тут на порцию или нет. На ладони лежали какие-то металлические кругляши, которые я никак не мог приравнять к мороженому. Глаза смотрели на деньги, а мозг еще был занят решением предыдущей задачи: как же эта штука все-таки называется? Творожное? Пирожное? Пломбир! Мороженое!

Я высыпал мелочь на блюдечко перед продавщицей, и та сама отсчитала нужную сумму. Ничего особенного. Никто ничего не заметил, не покрутил пальцем

у виска и не попросил выключить тупого. Но во мне зародилась неуверенность в своих возможностях. До этого мой организм не подводил меня ни разу. Никогда! И вот из-за какой-то козявки я становлюсь этим... ну... склеротиком.

Неуверенность в чем-то одном всегда переходит в неуверенность в себе в целом. А что если организм откажет в тот момент, когда придет клиент и спросит что-нибудь про машину? А я встану перед ним ослом и буду, ковыряя в носу, мямлить про то, что тут сбоку под капотом есть... ну... такая штука, которая... ну... делает это... Или ко мне в гости придет баба — а я не смогу! Такого удара я вообще не переживу! Нет, с бабами торопиться пока не надо. И организм надо подлечить, и мозги на место поставить. Неужели возможно такое, что она придет — а я не смогу? После подобных сомнений уже точно не смогу!

Такие мысли посещали меня последние дней пять. Вроде бы все это были мелочи, но они накапливались в критическую массу, которая давила на психику и мешала радоваться тому, что скоро — домой. Это тут, в больнице, случись что — вылечат. А там — снова волчий мир. Случись что там — добьют, сожрут и завтра высрут.

России — они разные. Есть та, где работает Вася, а есть та, где ночами вою на луну я. Конечно, некоторые мелочи в своем поведении можно списать на невнимательность и рассеянность, свойственную больному человеку, поэтому я никому про это и не рассказывал. И, уж конечно, нечего было и мечтать о том, что, если бы я рассказал про них врачам, — меня бы оставили тут еще на какое-то время. Сказано же по-русски: в поликлинику! И потом, когда, конечно же, не поможет, — к Мейерхольду! Поэтому я только крикнул в спину Петрову:

— И вам тоже!

Потом пожал руки всем друзьям по несчастью, взял пакет с барсеткой и вышел из палаты.

На улице лил дождик. Он начался со вчерашнего вечера и не торопясь орошал город, то стихая, то начинаясь снова. Я постоял на больничном крыльце под навесом, посмотрел на будничную суету приемного отделения, на посетителей, на гуляющих по холлу больных и пошел на остановку. Заказывать такси я не стал по вполне понятным причинам.

Город за три недели моего отсутствия вроде бы и не изменился, но я смотрел по сторонам так, словно не был тут год. Смотрел глазами человека, который всего этого мог и не увидеть, а увидел! Рубеж тридцати трех лет с потерями, но проскочил. А ведь есть еще другая черта: тридцать семь лет! Проскочу ли ее?

Автобус пришел довольно быстро, и через полчаса я, слегка замерзший и немного промокший, поднимался в зеркальном лифте в свою студию. Что меня ждет там? Выбитая дверь? Сгоревшая дотла кровать? Исписанные черными свастиками стены? Я представлял себе картины одну ужаснее другой, хотя для таких опасений не было ровно никаких предпосылок. Смотрел на себя в зеркало — и не узнавал. Я постарел на десять лет! Надо привыкать реже смотреть на себя в зеркала!

Успокоился я лишь тогда, когда провернул ключ в замке и потянул дверь на себя. Все на месте. Никаких следов чужого вторжения. Стоит какой-то затхлый запах, а так, судя по всему, мои вещи длительного отсутствия хозяина даже не заметили и моему приходу нисколько не обрадовались. Жаль, что у меня нет кота. Он бы сейчас ловил на лету хлеб и в перерывах между едой целовал бы мои кроссовки.

Я открыл балконную дверь, и вкусный мокрый воздух с Енисея мгновенно заполнил комнату. Я бросил вещи на кровать и понял, что хочу пять вещей сразу: писать, какать, есть, пить и помыться. Но вначале я открыл холодильник и выкинул в ведро заплесневелый сыр, хлеб и открытые банки с почерневшей тушенкой и зеленым горошком. Потом вынес ведро в мусорку и только тогда принялся поэтапно осуществлять свои мечты.

Как это чудесно: сидеть на своем родном толчке в тишине и спокойствии! Никто не кричит за пластмассовой стенкой и не дергает ручку кабинки с криком: «Мне клизму поставили! Нельзя ли побыстрее?» И бог с ним, что он не электронный, не читает стихи, не подмывает зад и не сушит его феном!

Как прекрасно налить воду в ванну, добавить туда ароматизированную соль и нырнуть по самую шею! Правда, меня предупреждали о вреде перегревания во время принятия ванн в первый год после болезни, но законные пятнадцать минут у меня сейчас не отнимет никто! За пятнадцать минут, поди, не помру. С каким удовольствием я бы сейчас выпил рюмку коньяку! Но про алкоголь меня предупреждали еще серьезнее, чем про ванну, солнце и секс.

Поэтому, нехотя выбравшись из ванны, я подошел к большому зеркалу, побрился и осмотрел себя. В больнице я вроде бы не потолстел и не похудел, но вес как-то перераспределился. Мышцы на руках потеряли рельефность, кубики на животе заплыли, лицо стало то ли немного больше, то ли просто пожелтело и слегка потеряло симметричность, под глазами набрякли темные морщинки. Факт оставался фактом, причем безрадостным: выглядел я ужасно! Длинные мокрые волосы лезли в глаза. Я зачесал их назад, как не делал никогда, и вдруг понял, что мне нужен новый имидж. Мне уже никогда не стать секс-символом фирмы и мечтой каждой разведенки с сайта знакомств. Значит, мне надо брать жизнь чем-то иным. А чем иным я могу похвастать?

С годами мужик должен уметь. Значит, и мне нужен имидж если не мудреца, то хотя бы такого человека, который и без руки чувствует себя уверенно. Потому что он знает о жизни что-то такое, что с рукой несравнимо! Что-то надо почитать на эту тему. Или, коль болят глаза, послушать аудиокниги. Но сначала надо пообедать и решить кое-какие неотложные дела.

Я оделся по погоде, взял зонт и вышел на улицу. Мелкий водяной бисер висел в воздухе холодным туманом, поэтому зонтик я раскрывать не стал, а убрал его в сумку. Дошел до автостоянки, глянул на свою красавицу «Селику» и поднялся в будку сторожей. Внутри сидели два ухаля в наколках наподобие того, что упер наши вещи в больнице. Правда, вели себя ухаля вполне корректно. Я объяснил им ситуацию, они сказали, что я тут не один такой и ничего страшного не произошло, подсчитали сумму моего долга и даже не начислили никаких штрафов. Я оплатил обозначенную сумму, еще заплатил на три дня вперед и пошел в столовую «Съем слона».

Жутко хотелось есть, а дома из съестных запасов оставались лишь сахар, соль, три пакетика зеленого чая и две пачки макарон. Сегодня мне не хотелось стоять у плиты и изобретать какой-нибудь суп. Хотелось просто ощущать себя дома, на свободе, а не в казенном учреждении. Как я мог, находясь за решеткой, не хотеть на свободу? Что за фокусы проделывает моя психика? Видимо, человек привыкает ко всему. Я слышал, что некоторые люди из тюрьмы выходить не хотят, а есть даже такие, которые отказываются от операции по восстановлению зрения и предпочитают оставаться слепыми.

В столовке я взял две порции вареных пельменей с майонезом и соевым соусом, зеленый салат и стакан зеленого чая. Проглотил все это за пять минут, как тот голодный бедолага-кот, вспотел и пошел в бухгалтерию нашего ТСЖ. Там сидели вполне приличного вида люди, без наколок, которые, однако, тут же взялись мне хамить.

Мои объяснения про смертельную болезнь и даже ссылка на плохо действующую конечность оставили их совершенно равнодушными. Их волновал лишь долг нашего товарищества перед теплоснабжающей организацией, поэтому даже если бы я умер — они бы, наверное, единственное на что попеняли — почему этот неосознательный гражданин перед смертью не оплатил счета за воду и электричество?

Я решил не портить себе праздник общением с хамами, махнул правой рукой, заплатил в кассу за месяц вперед, вышел на улицу, позвонил узбекам и поехал за квартплатой.

Те, увидев меня, загалдели, забегали, поклялись, что сильно переживали — почему меня нет и так долго им не звонил — и отдали деньги за аренду хаты за сентябрь. Меня всегда восхищал артистизм юго-восточных соседей! Они делали такие честные глаза! Так искренно переживали за мое здоровье и за то, что не знали, кому отдать деньги за аренду, что будь я режиссером театра имени Пушкина — взял бы парочку узбеков на главные роли положительных героев.

Получив халявную десятку, я вздохнул спокойнее, мысленно поблагодарил покойную бабушку и пошел в ближайший маркет. Если бы не эти деньги — пришлось бы звонить отцу и клянчить у него. А этого я очень не хотел.

Почти на тысячу рублей набрал чая, печенья, конфет и разных консервов и подошел к кассе. Как же неудобно жить, когда одна рука плохо работает! А как-то людям без руки или без обеих рук вообще!левой я лишь придерживал ручку корзинки или пакета. Все, что весило тяжелее двухсот грамм, из руки выпадало, и мне хотелось плакать от бессилия, глядя на свои негнущиеся чужие пальцы. Все приходилось делать правой рукой. Надо обязательно купить кистевой эспандер и походить на массаж! Но сначала придется продать машину.

Войдя домой, я поставил пакет с провизией на пол и потянулся к выключателю. Уже смеркалось, хотя было всего пять вечера. Из-за туч солнца не было видно целый день, в комнате царили оттенки серого. Выключателя на месте не оказалось. Я начал шарить по стене выше, ниже, потом чертыхнулся, прошел в комнату и включил настольную лампу около кровати. Вернулся в прихожую и только тут сообразил, что ишу выключатель там, где он был в нашей палате, а тут он не справа от входной двери на уровне лица, а слева и гораздо ниже, по евро-стандарту: девяносто сантиметров от пола. Я постоял в прихожей и, не зажигая верхнего света, стал раскладывать продукты по полкам шкафов и холодильника. Опять мозг не сработал! Опять мне надо говорить «Ой!» после очередного своего странного ляпа. Надо быть аккуратнее с плитой и утюгом! В таком состоянии недолго и пожар устроить.

Я пил кофе с печеньем и планировал завтрашний поход в поликлинику, когда зазвонил телефон. Настя! Не знаю почему, но мое сердце подпрыгнуло от радости. Ведь сегодня же первое октября! Как я мог забыть?! Она давала мне срок подумать до первого октября и вот звонит, чтобы узнать: женюсь я на ней или нет? Конечно, женюсь! Да! Однозначно! Я потому и не стал знакомиться с той симпатичной медсестрой, что все это время думал про Настю, про то, как она меня любит и как я был неправ тогда, в Овинном!

— Да! — почти спокойным голосом сказал я в телефон.

— Ну, че? — спросила меня Настя, словно продолжая тот разговор.

Тот разговор был для нее недавним. А я в промежутках между этими «Пока!» и «Ну, че?» чуть ласты не склеил! Я хотел сразу гаркнуть в трубку «Да!», но осторожность взяла верх. Все-таки с бабами надо быть построже!

— Привет! Как жизнь молодая? — сделал я вираж в сторону.

— Отлично жизнь! Мне жениха искать или женимся? Я месяц тебе давала на раздумье. Че надумал?

— Я тебе там отправлял эсэмэску недели две назад. Из больницы. Проблемка случилась.

— Не знаю. Ничего я не получала, никаких твоих эсэмэсок. Из больницы?

Было похоже, что она действительно не получила то мое сообщение. Или играть в театре Пушкина могут не только узбеки?

— Да. У меня проблема. Завтра пойду в поликлинику. Из больницы выписали, но надо теперь долечиваться дома. Видимо, дадут больничный. А может, и инвалидность придется оформлять, — грустно закончил я.

— Серж, что произошло?

В ее голосе послышалось сострадание, лишь немного уступающее узбекскому.

— Приезжай, посмотришь! Сразу говорю: выгляжу я после больницы неважно, так что сильно не пугайся.

— Ну ты можешь хоть примерно сказать, что с тобой случилось? Что-то разное? Или под машину угодил?

— Меня укусил энцефалитный клещ. Тогда в Овинном. «Преступление и наказание» Достоевского читала? То же и со мной произошло. Совершил нехороший поступок и был примерно наказан.

Честно говоря, я совершенно не помнил — кто и что совершил в этом романе и как был потом наказан. Из школьной программы я помнил про Раскольникова. Из цветистой речи Константина Геннадьевича понял, что там убили двух старушек. На этом мои познания Достоевского заканчивались. Не прочитать ли мне Федора Михайловича, после того как глаза перестанут болеть? Да и моя экс-секс-подруга и одновременно под-вопросом-невеста цитатами из русской классики не грешила. «Вот поженимся и будем вечерами Достоевского вслух читать!»

— И что потом? — не унималась Настя, пропустив мимо ушей упоминание о великом русском романе.

— Меня немного парализовало. То есть хожу нормально, а вот с левой рукой проблемы. Спинку тебе потереть пока не смогу.

— Какой кошмар! — воскликнула та, три секунды подумала и сообщила: — Сегодня суббота. Завтра мы с девчонками будем культурно отдыхать. В понедельник у меня три клиента ногти делать. И во вторник кто-то записался. Но я передвину его тоже на понедельник. Сделаю всех четверых и во вторник смогу приехать.

— С девчонками в коттедж поедете?

Меня словно иглой в правую пятку укололи.

— Ревнуешь, что ли? Нет. У кое-кого тут день рождения. Собираемся дома. Кстати, Тоня с Олегом вашим вроде бы хотят пожениться. Олег тебе не рассказывал?

— Нет. Ко мне в больницу никто не звонил и не приезжал. Помер бы — и не узнали.

— Понятно. А сейчас как себя чувствуешь? Давно выписали?

— Да в принципе неплохо, — не стал детализировать я, — сегодня.

— Ну тогда до вторника! Не болей!

Она повесила трубку. Я снова стал думать. Домашние думы кардинально отличались от больничных. Тут думалось о брэнном. О том, что завтра, оказывается, воскресенье и в поликлинику идти нет смысла. И далеко не факт, что Настя, посмотрев на меня, не помашет ручкой, и ее трудно будет обвинить в эгоизме. Случись у нее паралич — неужели бы я на ней женился? Ни за какие коврижки! А зачем, спрашивается, я тогда делал предложение той «мисс второй этаж неврологического корпуса», когда у той ноги едва шевелились? Я представил ту женщину со следами от веревки на шее тут, в моей квартире, и мне стало не по себе. Неужели я не понимал этого в больнице? Если бы она сказала мне «Да!», то через три дня совместной жизни я бы собственноручно сделал бы такую же странгуляционную борозду у себя шее!

Точно говорил кто-то из знакомых: жениться и служить в армии надо, пока мозгов нет. Потом это просто нереально! Начинаешь считать все плюсы и минусы, представлять, сравнивать, оценивать всех по «десятибальной шкале». И если такие господа и женятся, что случается очень редко, то только после пятидесяти лет и с единственной целью: избежать одинокой старости, не более. А это очень грустно.

Я представил себе Настю в своей квартире на правах хозяйки. Сначала — в постели. И эта мысль пришлась мне по вкусу. «Смогу!» — понял я. Потом я представил ее постоянный треп с подругами по телефону, — какой гад придумал безлимитный тариф? — грязную посуду, которую она категорически не мыла, боясь повредить новые ногти, мыльную воду на полу в ванной, по сто разных тубиков в холодильнике и на полочке в ванной. «Не хочу!» — воспротивился во мне свободный по жизни мужчина. Она предъявляет на меня все права — и прощай вечеринки! Хотя — сколько они еще могут продолжаться? Вот Олег, видимо, не задумываясь, бросился в Тонин омут и утонул с улыбкой на лице. А может, не бросился? Я набрал номер Олега.

— Привет, Сергей! Как здоровье? — сразу поинтересовался молодой сослуживец.

«Было бы тебе интересно мое здоровье — сам бы давно позвонил да узнал! Тут сдохнешь — и через год мумию найдут в кровати!» — внезапно со злостью подумал я, а вслух сказал:

— Да так себе. Сегодня первый день дома. В понедельник думаю появиться на работе, но работать пока, скорее всего, не смогу. Возьму больничный. У вас что нового?

— «Форд» меняет модельный ряд. И все новые модели дороже старых на четверть. Доллар растет, сам понимаешь. По «Роверам» и «Ягуарам» пока без изменений. Вован сказал, что шеф вентилирует вопрос продажи «Мазды». Скоро вообще, наверно, пирожками торговать начнем!

Олег, как обычно, говорил то, что думал. Нет, не работать ему в российском бизнесе!

— Понятно. А на личном фронте у тебя как? Тут мне Настя позвонила. Сказала, что вы там чуть ли не под венец собрались с Тоней. Я вот тоже подумываю, потому и спрашиваю. Вдвоем-то умирать веселей!

— Ну, заявление мы пока не подавали, хотя ее мама мне уже понравилась. Да и папа тоже. Он, правда, весь в наколках и выпить не дурак, но зато мужик веселый. Живем сейчас в основном у них. Мне в деревне нравится. Я же тебе рассказывал, что у них в Зыковке и дом есть свой, и квартира в пятиэтажке. Родители живут в доме. Там огород большой, и они кур держат. А мы с Тоней живем в квартире. Ну и помогаем старикам, конечно. Только картошку с тестем нынче три дня копали! Половину уже продали. Жаль, что картошка только один урожай в год дает! Прибольшое дело!

— Понятно. Значит — не зря мы тогда в коттедже отдохнули. Хоть что-то хорошее. А кто сейчас в зале главный?

— Вован. Он на тебя злой. Новая метла по-новому метет. Говорит, что ты документацию не так вел. Пришлось много переделывать. Думаю, это он просто перед шефом себе цену набивает. Он предлагал нового человека на твоё место взять, но шеф временно в зал поставил его. Ты бы приехал в понедельник, поговорил с Иваном Николаевичем. А то одного человека тут реально не хватает. Могут взять на твоё место другого. Кому как, а мне бы не хотелось видеть на твоём месте другого засранца.

У меня на глаза навернулись слезы: меня сто лет никто не называл вот так чисто по-товарищески, с теплотой в голосе, засранцем! Я шмыгнул носом, покашлял в сторону и заверил Олега, что в понедельник я из поликлиники сразу проеду в наш офис.

— Сергей, только у меня к тебе просьба! — попросил Олег, заканчивая разговор. — Ты не говори никому, что я тебе тут рассказал. А то Вован — он... ну, сам знаешь, какой он человек.

— Я понял, Олег! Спасибо! Никому ни слова! До понедельника!

Итак, Олег — фактически потерянный для общества человек. Значит, Настя не врет. И сама хочет замуж. То, что она меня не любит, у меня сомнений уже не вызывало. Люблю ли я ее? Раз я задаю себе такой вопрос — ответ вполне очевиден: нет. Отсюда вывод: можно жениться! Я отправил еще одно сообщение Юле: эта заноза почему-то упорно не выходила у меня из головы. Написал, что сижу дома после болезни и скучаю. Пришел отчет о том, что сообщение доставлено. И больше ничего.

Второго октября, в воскресенье, я проснулся в шесть утра и несколько секунд лежал с закрытыми глазами, ожидая цоканья каблуков сестры Галины в коридоре. Поняв, что я дома и не будет ни капельницы, ни уколов, я безмятежно улыбнулся, перевернулся на другой бок и проспал до девяти.

Позавтракал и принялся за уборку. За три недели все в квартире покрылось тонким слоем пыли. Поменял постельное белье, а старое замочил в ванне и после обеда постирал. Надо было покупать в свое время стиральную машину, пока они стоили восемь тысяч! А теперь они с такой скидкой продаются! Хотел же еще купить пару лет назад, но подумал, что одному много ли надо стирки! А теперь одной рукой много не настираешь и денег почти нет.

Надо продавать автомобиль! В свете последних событий мне как-то враз перестало хотеться ездить за рулем. Там, конечно, коробка — автомат, так что левая нога не потребуется, а вот с таким зрением, такой слабой рукой и вообще заторможенной реакцией ездить на машине я желанием не горел. Поэтому во время очередного перекура с чаем и конфетами я позвонил тому перекупу, у которого купил эту тачку месяц назад. Услышав мою просьбу, Айваз сильно удивился и сказал, что рынок нынче затоварен, машины упали в цене и взять он машину может, но только тысяч за четыреста сорок — четыреста пятьдесят.

— Слушай! — стараюсь оставаться спокойным, спросил я его. — Ты месяц назад мне говорил, что машины дорожают. Теперь они у тебя вдруг подешевели. Ты совесть-то имей! Я сам тачками в автосалоне торгую, так что мне сказки рассказывать не надо! Я ее взял у тебя месяц назад за шестьсот семьдесят пять и не проехал ни метра. Я заболел. Ты когда-нибудь болел? Мне срочно деньги нужны на лечение. Я понимаю, что...

— Сергей! — не дослушал меня Айваз. — Тебе надо жить? И мне надо жить. У тебя своя работа, у меня — своя. Я не могу взять машину и потом ее сгноить. Мне ее надо продать. А сейчас такие тачки берут плохо. Рынок замер. Цены выросли. Народ бедный. Вдовы еще берут. Универсалы плохо, но берут. А купе я продал за год две штуки. Как хорошему знакомому я тебе даю четыреста пятьдесят тысяч. И честно говорю: дороже чем за пять сотен я ее уже никому не скину! Хочешь — продавай сам!

— Ну ясно! Я подумаю, — мрачно буркнул я и отключил телефон.

Хапуга! Гнида! Чтоб ты подавился своими деньгами!

Я знал, что на Гайдашовке тачками торгуют только такие, как Айваз. Для них нет никаких понятий чести и совести. Хотя — что я так завелся? Где в торговле есть честь и совесть? О чем я? На что рассчитывал? Сдать тачку по той же цене, что и купил? Нет, но такого кидалова я не ожидал! Ну, шестьсот. Пускай даже на сотку дешевле! Обидно, досадно, но на сотку дешевле я бы точило продал. Но на двести двадцать пять — это свинство среди кабанства! Я залез в Интернет и дал объявление о продаже машины. В графе «Цена» написал: «650 000 руб. Торг».

Немного успокоившись после разговора, я продолжил стирку. Стирать и полоскать старался левой рукой. Петров сказал, что руку надо разрабатывать, и тогда через несколько месяцев все восстановится. Дай-то бог! Иногда начинала

побаливать голова, особенно, когда я стоял над ванной в наклон, поэтому процесс стирки белья и спортивного костюма, пропахшего больницей, занял уйму времени. Приходилось разгибаться, садиться на край ванны или уходить в комнату, включать телевизор, лечь на кровать и отдыхать. Хотя и телевизор пришлось вскоре выключить: от его болтовни начинало ломить виски, а от милого голоса дикторши первого канала хотелось засунуть голову под подушку.

Я вел себя в точности, как моя бабушка в последний год жизни, после того как у нее случился первый инфаркт. Бедная! Как ей было, наверно, тяжело! А ведь я не помню, чтобы она жаловалась или, сославшись на болезнь, не приготовила мне обед или не постирала рубашку. И в магазины ходила только она. Я это прекрасно помню, потому что после ее смерти — я вдруг вспомнил эти ощущения! — я каждый раз удивлялся, что за продуктами надо, оказывается, ходить в магазин и тратить столько времени на приготовление простого обеда и последующее мытье посуды! С тех пор я никогда уже не ел такой вкусной жареной рыбы с толченой картошкой, такого борща со свиной косточкой и фасолью или такого рыбного пирога высотой во весь противень.

Интересно: Настя умеет готовить или нет? Обычно мы с ней питались в кафе, а домой брали только пиво и разную мелочь типа чипсов или косичку сыра. И как вообще выглядит семейная жизнь? Что представляет из себя изнутри? Что главное? Секс? Борщ? Дети? Деньги? Вот женюсь — а через три дня она от меня сбежит с другим. Или я ей изменю, и она выпрыгнет из моего окна и разобьется.

— Я не разобьюсь! — сказала Настя. — Потому что я не дура из-за каждого мужика с окошек прыгать. Я скорее тебя выкину, а потом скажу, что окна мыл да выпал. А от мужика мне в первую очередь нужно, чтобы он деньги домой нес. Я в нищете выросла и мужа хочу найти богатого. А если ты заболел — как ты меня содержать собираешься? Глаз продашь? Так он у тебя никуда не годный. Почку? Мне твоей почки на шубу только и хватит, а дальше что? А дальше вот что: мы с Юлей ночью тебя задушим и на органы сдадим в ООН! Юля, тащи нож! Режь эту скотину, пока я его за правую руку держу!

Я попытался скинуть Настю с себя и тут с ужасом увидел, что рядом стоит Юля и держит в руках скальпель.

— Нет! — заорал я что было силы! — Не-ет! Кот не умер! Он воду пил! В унитазе вода была проточная!

Я захрипел, дернулся и чуть не упал с кровати. Сердце колотилось где-то в горле, на голове снова было надето ведро, а ноги заледенели. Привычно прикинул температуру и ошибся всего на полградуса: градусник выдал тридцать девять с половиной. Зубы плясали так, что я едва смог выпить стакан воды. Как же хорошо было в больнице! Чуть что — прилетает ангел в белом, хлоп тебе укол в задницу, чпок капельницу в руку — и через полчаса ты снова человек.

Я добрал до кухни, сел на стул, оперся на стол, положил голову на руки и понял, что если я сейчас не выпью хотя бы аспирин, то придется снова вызывать скорую. А остался ли у меня еще аспирин? Как же я не подумал, когда ходил по городу, что надо прикупить лекарства? Ведь Петров давал мне какой-то список! По старой привычке решил, что здоров, и ограничился печеньками и трюфелями. Отлегло — и полетел! А вот и не здоров! Пошевелился день, прошел пару километров, постирал, понервничал — и свалился.

За окном почти стемнело. Серый во мраке кухонный интерьер переливался в моих глазах всеми цветами радуги. Что открой глаза, что закрой — рой метеоритов, преимущественно зеленого цвета, несся навстречу из какой-то дальней галактики,

пробивал мозг, кидался по сторонам разноцветными брызгами и летел дальше. В ушах стучали молоточки и гудели высоковольтные провода. Я открыл холодильник и пошарил в дверке. Под пальцами знакомо хрустнула золотинка упаковки. Есть! И это, конечно, аспирин, потому что ничего другого из лекарств у меня попросту никогда не было. Какая-то старая упаковка, которая тут лежит года три. Какой у аспирина срок годности? Да плевать!

Я выдавил на ладонь две таблетки и запил их водой. Набрал еще полный стакан воды, поставил на тумбочку и упал поперек кровати. Меня трясло от холода, и я с трудом забрался под покрывало. Сначала снились кони и клещи, теперь — Настя. Даже не знаю — какой бред лучше. Пытаясь согреться, я по привычке засунул руки под рубаху, а пальцы ног по очереди прижимал к разболевшимся икрам. Звонить в скорую или не звонить? Звонить или не звонить?

— Не звони! — сказала Настя, примеряя фату из черного тюля. — Не беспокой зря людей. Я уже к похоронам готовлюсь, а не к свадьбе. Так что скорую не вызывай. Сразу катафалк.

— Я тебя убью! — заорал я и очнулся.

Стояла ночь. Я лежал под одеялом весь мокрый от пота. Ноги и руки были горячущие, ведро с головы сняли. Дотянулся до градусника и смерил температуру. Тридцать шесть и девять. Открыл окно и залез под прохладный душ. Потом заварил зеленый чай и посмотрел на часы: два часа ночи. Немного приведя мысли в порядок, я нашел листок со списком лекарств, что дал мне врач, и переложил его в барсетку. Вспомнил подробности своего нынешнего бреда...

Я допил чай, и меня снова кинуло в пот. В комнате стояла прохлада октябрьской ночи. За окном температура была немногим выше нуля. Приятный холодок полз по ногам, поднимаясь до уровня колен, и мне захотелось лечь на пол, чтобы оказаться в этой живительной прохладе целиком.

Я бросил на пол покрывало и лег около кровати, глядя на огни ночного Красноярска. Город жил своей жизнью, совершенно не замечая тех, кому сейчас так плохо и одиноко в его ночи, прорезаемой светом фар и переливами рекламы. Ему было плевать на мое одиночество. Это была только моя проблема. Город готов помочь спрятать ее, но не решит.

Постепенно остывая на полу, я думал о том, сколько сейчас таких одиноких не спит и смотрит в окно на красивый, но безразличный город, на миллион человек, которым плевать друг на друга и которые отличаются от муравьев тем, что муравей готов умереть за коллектив, а коллектив всегда придет на помощь муравью. Гигантский муравейник, раскинувшийся передо мной, был равнодушен ко мне, как статуя Будды, улыбающаяся в тот момент, когда перед ней разворачивается кровавая битва двух враждующих армий. Она улыбается уже сотни лет.

И город переливается огнями в моих больных глазах, вместо того чтобы позвонить в дверь и предложить хотя бы таблетку от головной боли! Все красиво и совершенно бесполезно. Город для миллиона людей, одиноких в нем так же, как если бы они сидели в монастырских кельях.

Как можно перестать быть одиноким в этом скопище безликих фигур? Может, найти такого же одинокого и помочь ему перестать сидеть ночью одному и смотреть в окно на суррогат счастья, текущий через мост и по проспекту мимо его окон? Где его найти? На сайте знакомств? На работе? Позвонить Юле? Съездить в Зыковку и крикнуть на площади: «Женюсь на первой встречной!» Я читал про один такой случай. Молодому лейтенанту еще в бытность существования СССР выпало счастье служить в Венгрии. А это значит — повышенное жалованье, Европа, ускоренное

продвижение по карьерной лестнице. Но была одна заковыка: туда брали только вместе с женами. А парень был холостой. Тогда не было сайтов знакомств, а до командировки времени — в обрез. Тогда он приехал то ли в какую-то женскую общагу, то ли на вокзал, и в мегафон проорал, что он — офицер Советской армии и ему срочно требуется жена. Парня чуть на части не порвали! Через месяц они уехали с женой в Венгрию. Он дослужился до майора, они родили двух детей и, выйдя на пенсию, живут и не тужат где-то под Воронежем в собственном домике.

Чем не вариант? Разница только в том, что лейтенант верил в женщин, страну и светлое будущее. Работал за совесть, потому что так делала вся страна. А если я крикну на площади: «Девки! В кучу! Я женюсь, у меня есть хрущевка под арендой». И подойдет ко мне какая-нибудь бездушная тварь с калькулятором, все перемножит, приплюсует, отнимет корень квадратный и скажет: «Маловато мне для счастья! Вон у того мужчины коэффициент повыше, да и по гороскопу он Стрелец, а не Скорпион. Нет, не годится!»

Как говорит Вован: эрогенная зона у меня в кошельке! Правда, от него ушла жена с детьми, поэтому не совсем понятно — то ли кошелек для нее оказался мал, то ли эрогенная зона у него все-таки не там. Но это его проблемы, а вот что мне делать в плане личной жизни — совершенно непонятно. Если каждой твари — по паре, то где сейчас лазит моя парная тварь? На какой лужайке траву жует? С кем трется, пока я тут на полу валяюсь?

Третьего октября, в понедельник, будильник зазвонил в семь тридцать, и я обнаружил себя лежащим на кровати и закутавшимся в одеяло по самый нос. Как я перебрался сюда с пола, я так и не смог вспомнить. Все тело звенело как самая тонкая струна гитары, руки слегка дрожали и ломило суставы. Особенно болели тазобедренные суставы и колени. Но температуры не было, поэтому я выпил жиденький кофе, съел пару печенюшек, собрал себя в кучу и поплелся в поликлинику.

Выйдя из квартиры, я достал связку ключей и долго не мог понять, какой ключ к какой замочной скважине подходит. Потыкал туда, сюда, повращал, наконец замкнул дверь, вздохнул и нажал на кнопку вызова лифта. Ответом мне была тишина. Лифтов в нашем доме было два, но не приехал ни один! Прислушавшись, я услышал где-то далеко внизу какие-то лязгающие звуки, доносящиеся из шахты лифта, еще раз вздохнул и пошел пешком. Я никогда не ходил пешком по этой лестнице, и мне стало даже интересно, как выглядит эта часть дома? Конечно, с большими суставами ног спускаться по ступенькам было неприятно. Мне приходилось опираться на перила своей плохо работающей левой рукой, чтобы немного разгрузить ноги. Лестница казалась бесконечной! Я шел и шел, а она все никак не кончалась.

Дойдя, наконец, до первого этажа, я остановился в изнеможении и привалился к стене, наблюдая за работой бригады.

— Что это вы делаете? — не удержался от вопроса я.

— Заботимся о вашей безопасности! — ответила мне женщина.

Два парня в синем присели на ступеньках продышаться. Они устали, потому что перетаскали тонну железа. А я устал, потому что спустился по лестнице с пятнадцатого этажа! Я стоял и завидовал этим молодым еще ребятам, которые сидели на бетонных ступеньках, подстелив под себя брезентовые верхонки.

— Плановая проверка! — повернувшись ко мне, сообщила женщина, видя, что я продолжаю стоять и смотреть за их действиями.

— Понятно. Лишь бы к обеду все снова заработало, а то мне придется ночевать на лавочке! Ноги вот подвели, — посетовал я ей зачем-то.

— Не волнуйтесь, мужчина! Заработает! Проверим — и все снова заработает!

— Спасибо! — поблагодарил я, отлип от стены и пошел в поликлинику.

Парни тоже передохнули, встали, и один из них придержал для меня входную дверь. Я еще раз поблагодарил, обошел «Соболя» с фирменной бело-коричнево-зеленой раскраской аварийки ЖКХ, из которого парни таскали свое железо, и похромал через дорогу.

Народу, желающего пробиться в регистратуру, оказалось столько, что в чихающей и кашляющей очереди я простоял минут тридцать. Снова эпидемия? Или тут это обычная практика? Как же мало я знаю о мире больниц и поликлиник! Тут свои постоянные жители и свои боги, свои законы и традиции. В этом человеческом месиве я чувствовал себя еще хуже, чем в больнице. В миллионном городе люди только и делают, что толкаются у разных окошек! Куда ни сунься — везде ты последний в длинном змеином хвосте страждущих того же, чего страдаешь и ты.

Хотел сразу записаться к невропатологу, но оказалось, что сначала надо пройти терапевта, а уже он направит куда надо. Простоял и просидел перед кабинетом терапевта еще полтора часа. В очереди преобладали бабушки. Присутствовали пара мужичков болезненного вида с потрепанными лицами и прокуренными зубами.

Меня всегда удивляло, когда курящий мужик шел к врачу и жаловался на кашель! Как такому может помочь врач, если он сам вполне сознательно травит себя каждый божий день? И зачем он вообще ходит по врачам, если выбрал путь такого замедленного самоубийства? Я вспомнил Константина Геннадьевича с его рассказом про снег и разные настои трав и улыбнулся: прав старик!

У терапевта я пробыл пять минут. Отдал все бумаги, которые мне дали в больнице, и сообщил — ради чего я тут. Мне задали вопрос про мою медицинскую карту. Я ответил, что пришел в поликлинику впервые в жизни и даже не знаю — что это. На меня тут же завели этот необходимый документ и записали к невропатологу на четырнадцатое октября.

— Раньше никак не получится. На некоторых узких специалистов запись на два месяца вперед! — успокоили меня. — Я вам пока выпишу витамины и выдам больничный. Четырнадцатого придете сюда. Сначала зайдете к невропатологу, а потом — ко мне! С больничными вход без очереди.

Я вышел на улицу и вновь ощутил радость того момента, когда покидаешь заведение здравоохранения. Любое! Гора с плеч! До следующего посещения — десять дней! Это целая жизнь!

Я прогулялся до аптеки и вручил провизору два списка: Петрова и тот, что мне дали только что, и попросил озвучить цену вопроса. В итоге набрал таблеток, настоев и витаминов почти на две тысячи, почесал зытылок, дошел до остановки и, дождавшись автобуса, поехал на работу.

Первый, кого я встретил, зайдя в родную фирму, был Вован. Он топтался около одного из «Ягуаров» с мобильником в руке, рассказывая что-то кому-то про эту конкретную машину. Увидев меня, сделал радостно-изумленное лицо, помаhal свободной рукой и снова отвернулся к машине.

Я прошел в бухгалтерию и показал Нине Васильевне свои больничные бумаги. Она поинтересовалась моим самочувствием и сообщила, что шеф распорядился платить мне белую зарплату, но убрать все, что я получал сверх нее. То есть сейчас мой среднемесячный доход составляет приблизительно третью часть от того, что я получал до болезни. Через два месяца мне надо будет либо выйти на работу, либо оформить инвалидность. При слове «инвалидность» мне стало дурно, но я постарался не показывать вида. Тем более что месяц назад при слове «паралич» я бы тоже попросил нашатыря, а вот хожу и даже иногда умудряюсь радоваться простым житейским вещам.

Кто опять виноват в том, что я — маленький винтик в большой машине? Ма-шине надо ехать дальше вне зависимости от сломанных винтиков. Винтиков вокруг много нынче валяется! И цена им — пятачок.

Потом я прошел в приемную шефа и по дороге встретил Олега с Мишей. Вкратце рассказал им о своем житье-бытье, поинтересовался новостями. Особых новостей не было. Конец года выдался трудным. Вся клиентура то ли уехала в отпуск в Сочи и Барселону, то ли прятала честно уворованные деньги по офшорам и не желала светиться своими толстыми кошельками в преддверии очередных выборов. Доходы упали, шеф ходит злой, перспективы туманны. Я знал, что это беда любого четвертого квартала. И еще почувствовал, что эти каждодневные проблемы моей горячо любимой фирмы свистнули возле моей большой головы, но не заделли мозг. «Гудит как улей родной завод...»

Я кивал головой, делал какие-то замечания, а сам понимал, что это не мои заботы, а Вована. И что, если завтра на это здание упадет метеорит размером со стадион и пришибет тут всех, я не испытаю ровно никаких чувств, кроме разве что жалости к той девчонке, которую незадолго до моего ухода на больничный приняли на работу в автомойку. Кстати! Может жениться на ней? Ей — восемнадцать, мне — почти тридцать четыре и светит инвалидность. Она кинется мне на шею, не снимая фартука!

Татьяна Даниловна, как обычно, была сдержанна в чувствах и словах. Шеф уехал по делам и когда будет — неизвестно. Обо мне он помнит и на мое место пока никого не берет. Без меня проблемы с онлайн-консультациями клиентов и некому ехать во Владивосток на встречу с представителями «Мазды». Если надо что-то передать... нет, спасибо... всего доброго...

Я вышел на улицу, глянул на хмурое небо и, обойдя здание нашей фирмы, заглянул в мойку. Так, на всякий случай. Почти все лица были новые и незнакомые. Я прошел по второму этажу, заглянул вниз, где за стеклом шумела вода и вся в пене стояла какая-то белая машина, но восемнадцатилетнюю красавицу так и не увидел. Поинтересовался у знакомой кассирши, тетке средних лет и телосложения, — как дела? Та сказала, что работы сейчас много: идут дожди, грязи в городе хватает, и это для нас очень хорошо. Народ моет машины так интенсивно, что вечерами вывают очереди по два десятка тачек. На одном кофе с бутербродами для ожидающих клиентов наш мини-бар зарабатывает вдвое против обычного.

— А еще неделю назад тут случай был: у нас девку увели! Парень какой-то приехал на дорогой машине на мойку. Увидел нашу Светку, приехал через день и сделал ей предложение! Ну прям как в кинe на первом ряду! На белом «Мерседесе» приезжает красавец в белом костюме, дарит букет и предлагает руку и сердце! Вот прям тут стоял перед ней на одном колене, а его товарищ снимал все это безобразия на камеру. Светка чуть не усикалась от счастья. Конечно, гаркнула «Да!», получила расчет, в «Мерседес» — и покатались. Везет же некоторым, у которых ноги по сто десять сантиметров! А тут сидишь второй год на жопе — и хоть бы на «Жигулях» кто приехал!

Я криво улыбнулся, попрощался и вышел на улицу. Вот, что у меня за порода? Если бы я был здоров, а за Светкой — ее, оказывается, так звали! — никто бы на «Мерседесе» не приехал, то я бы тер ее потихонечку, и свадьба мне бы даже во сне не приснилась! Но стоило услышать, как кто-то вот так тупо, по-детски, как последний лошара предлагает ей жениться и тем самым уводит у меня из-под носа красивую девку, которая мне, в принципе, особо и не нужна, как в душе возникает какая-то черная дыра, которая засасывает кишки и мозги в свою вакуумную темень, перемешивает все это в равномерную субстанцию и засовывает обратно в голову уже не мозги, а дурно пахнущую массу. И начинаешь думать всякую дрянь.

Тогда в чем же вообще состоит мое конкретное счастье? В том, чтобы и дальше класть хер на весь мир ради своего удовольствия в надежде, что мир в отместку не положит на тебя такой херище, что ноги подогнутся? А когда положит — обидеться и заорать обиженно: «А меня-то за что?!» Или подойти сейчас к той кассирше, пасть на одно колено и предложить ей полупарализованную руку и сердце? И потом жить

ради нее? А ведь она согласится! Но я же не смогу! Это абсурд — жить ради какой-то бабы, которую не любишь? Нужен внутренний порыв! Увидел — бабах! Значит, надо найти ту, которую полюбишь, и жить ради нее? А если таких не будет? А если я их уже столько перебрал, что на любовь уже неспособен? Ведь я же когда-то любил одну! Но она не любила меня, и мы трагически расстались на втором свидании. И потом еще, кажется, любил. А потом еще. И даже Юлю я любил целых два часа до секса и три минуты после! Пепелище в душе, которое старательно устроил я сам. Никакого бабаха не случится уже никогда! Бабахать надо вовремя! Я проспал свое маленькое личное счастье. Пропил. Погулял. Тогда мне остается только...

Раздался визг тормозов, и черный «Паджеро Спорт», юзанув по мокрой дороге, чиркнул бампером мне по бедру и, с грохотом перескочив бордюр, замер на газоне. Удар был несильный, вскользь, но в здоровую ногу, и я от неожиданности потерял равновесие и упал на проезжую часть. Идущая позади «Паджеры» «Нива» заскрежетала тормозами и остановилась в паре метров передо мной. Озираясь, я поднялся и отошел с дороги к джипу.

Где я? Как я оказался на проезжей части в ста метрах от пешеходного перехода? Я тупо крутил головой, пытаюсь сообразить — где я вообще нахожусь? Водитель джипа, представительный мужчина в хорошем костюме-тройке, вышел из машины и спросил меня достаточно спокойно: как я себя чувствую? Я посмотрел на него, не понимая вопроса, и он пробасил:

— У-у, понятно! Садитесь в машину, я вас довезу до травмпункта! Сами сесть можете?

Из пассажирского окошка «Нивы» высунулась толстая тетка и крикнула мне все, что она думает о пьяницах, бросающихся под колеса, и о нежелании честных граждан сидеть в тюрьме по вине таких алкоголиков.

Вначале я хотел отказаться от приглашения, но при слове «травмпункт» я немного пришел в себя и решил, что даже если я не пострадал в аварии, то, по крайней мере, знаю — как добираться оттуда до дома. А окрестный пейзаж мой мозг опознавать отказывался. Я словно находился в чужом городе. Поэтому я молча сел на заднее сиденье, всерьез обдумывая: спросить у водителя про то, что это за город или нет? Тот обошел свою машину вокруг, заглянул под днище, потом сел за руль, и мы тронулись.

— Если вы хотите, можем заехать в ГАИ и оформить происшествие. У меня все записано на регистраторе, — сообщил он мне. — Но если у вас сотрясение, то лучше не терять времени и показаться врачам. Если у вас ко мне возникнут вопросы — вот моя визитка. И он протянул мне бумажку с координатами какой-то юридической конторы.

— У меня к вам вопросов нет. Это моя вина. Я не помню, как оказался тут. Дело в том, что я... — я засомневался: стоит ли посвящать в подробности последнего месяца своей биографии постороннего человека, но решил закончить мысль, — я болен. У меня с головой что-то. Вернее, я знаю — что. Но такое у меня впервые. Где мы вообще? Я не помню, как тут очутился!

Водитель удивленно глянул на меня через зеркало заднего вида и назвал улицу, на которой случился этот казус. Я вспомнил, что эта улица проходит в трех или четырех кварталах от моего офиса. Значит, в думах о себе и упавшем с неба Светкином счастье я прошел около двух километров под небольшим дождиком и даже не надел шапку. Что со мной?

Я ощупал бедро и понял, что ничего страшного со мной, к счастью, не произошло.

— А вы бы не могли отвезти меня домой? — тихо спросил я сидящего за рулем юриста и назвал адрес.

— Конечно, мог бы. Но вдруг у вас ушиб или перелом?

— Нет. Со мной все в порядке. Мне надо домой.

— Домой так домой. Но, если станет хуже, вызывайте скорую. Такое иногда бывает после аварии. Сначала вроде бы ничего, а потом кровь из ушей — и медицина бессильна! Я бы все-таки посоветовал сразу в травмпункт.

— Нет. Домой. Спасибо вам! Извините!

Вершина моего дома утопала в низкой туче, проливающей в час по чайной ложке воды в матовую поверхность Енисея. В воздухе стоял туман, который оседал на лице, на стеклах автомобиля и последних бурых листьях на деревьях. Я зашел в квартиру и опустился на стул. Сил не было ни моральных, ни физических. Кое-как разделся, выпил каких-то таблеток и упал на кровать. Зазвонил телефон, но сил дотянуться до куртки и вытащить его из кармана уже не осталось.

— Иди к черту! — тихо сказал я телефону, накрыл голову подушкой и уснул.

Четвертого октября, во вторник, меня разбудил звонок телефона, и я несколько секунд соображал — это тот же звонок, под который я засыпал или другой?

— Але! — даже не посмотрев, кто звонит, скрипнул я в микрофон.

— Сергей! Это Иван Николаевич. Вчера тебе звонил, но не дозвонился, — достаточно вежливо начал шеф, но это «Звонил, но не дозвонился» в переводе с дипломатического означало одно: чтобы больше такого не было!

Я мельком глянул на часы: почти десять утра. Привык же я спать в больнице по четырнадцать часов! Я начал было соображать, какое оправдание придумать, но шефу мои оправдания требовались, как зайцу — самовар.

— Как ты себя чувствуешь? Не разбудил?

Шеф говорил таким тоном, что сказать: «Да вы знаете, Иван Николаевич, у меня давеча случился приступ, вследствие чего я угодил под машину и на данный момент еще не знаю — поднимусь ли с кровати без посторонней помощи!» — у меня язык не повернулся.

— Да так. Средненько, — неопределенно сообщил я, уже понимая, что звонок случился не просто так, а по делу.

— Тут у нас возникла проблема с кадрами, умеющими вести достаточно сложные переговоры. Во Владивостоке мы должны встретиться с японцами и обсосать тему продажи у нас «Мазды». Туда едет патрон и два человека из его команды. От каждого филиала в эту делегацию нужен один человек. У нас сейчас тут небольшой кадровый голод из-за того, что некоторые лезят там, куда собаки нос не суют, ловят на себя клещей и при этом не имеют прививок. Осилишь командировку? Или мне поговорить на эту тему с Вованом?

Это был удар под дых. Неужели со стороны так заметно, что мы с Вованом не очень хорошо ладим по некоторым вопросам? Или шеф случайно оговорился? Ведь, кроме меня и Вована, посылать действительно некого! Поэтому если я сейчас отвечу отказом, то это будет конец не только моего горизонтального карьерного роста, но и конец работы в данной фирме. А если по дороге меня хватанет приступ? А если не хватанет?

— А когда надо ехать? — Дал я себе несколько секунд на то, чтобы улеглись мысли и чтобы наконец ощупать бедро, в которое вчера меня ударил джип: бедро немного болело, но не более того.

— В воскресенье, если лететь самолетом. Или в четверг, если на поезде. Сейчас Даниловна этот вопрос уточняет. Что? А! Уже уточнила: самолетом в субботу вечером. В понедельник уже надо быть там.

— Да, я поеду! — спокойно сказал я. — Без вопросов!

Организм увидел ориентир. Взял след. Настроился на боевую волну. Я нужен! Я еду разговаривать с японцами! Некогда сопли распускать и хныкать о поте-

рянном рае! Впереди несколько дней, которые я потрачу на лечение, и к субботе буду готов если не на все сто, то уж, по крайней мере, на девяносто. Не попаду к невропатологу? Да и черт с ним!

— Отлично! Проблема решена. В пятницу подскочи в офис! Часам к трем. Получишь все, что положено, и обговорим некоторые детали!

Из медузы, из размазни и калеки я за пять минут превратился в сосредоточенного делового человека. У меня появилась цель в жизни, и я постарался сосредоточиться на ней. Первым делом я принял душ и еще раз осмотрел ушибленную ногу. Ничего страшного. Нет даже синяка. Спасибо юристу за то, что не стал меня вчера давить да еще и подвез до дома!

Позавтракал и сел изучать инструкции к лекарствам. Несколько раз лазил в Интернет, уточнял: какое и для чего, когда и по сколько таблеток глотать. Убрал подальше кофе и решил пить отныне только зеленый чай. Проверил объявление о продаже машины. Три просмотра и ни одного предложения. А может, и продавать не придется? Раз я еду в командировку — будут и деньги! А то продашь ее за четыреста пятьдесят, потому что у Айваза их никто не берет, а потом снова купишь ее же за семьсот, потому что от покупателей у Айваза в глазах рябит!

Я глянул в окно. Там слабенько светило солнце, хотя вдали над Енисеем, в районе Академгородка, стояло вчерашнее марево. Я решил, что неторопливые пешие прогулки мне сейчас жизненно необходимы. Потеплее оделся, взял с собой бутылочку воды, несколько таблеток, вышел из дому, заложил руки за спину и медленно пошел по периметру своего огромного жилого комплекса. Дойдя до ларька «Роспечать», я остановился и внезапно для себя купил «Красноярскую газету». Вернулся во двор, сел на скамейку перед подъездом, развернул газету и начал не торопясь читать. Меня охватило состояние умиротворения! Я никуда не торопился. Я вытерпел такое, о чем недавно не мог даже помыслить! И вот меня снова позвали заняться делом, с которым, кроме меня, никто не справится. А Вован... Да пусть он живет себе потихоньку и скалит зубы мне в спину! Бог ему судья!

Я впервые в жизни читал газету и настолько увлекся разными темами, что не заметил, как ко мне подошла Настя. Вернее, она сначала прошла мимо меня к подъезду, но потом вернулась и, разинув рот, остановилась в метре от меня. А я опять забыл, что она собиралась сегодня ко мне приехать!

— О! Привет! — радостно воскликнул я, сворачивая газету в трубочку. — Читала? Что творится с образованием! В пятидесяти девяти регионах учителя стали получать меньше, чем год назад! А цены-то растут! Ну куда это годится? Кто экономит на учителях — тот потом разоряется на тюрьмах!

— Сильно тебя! — озадаченно сказала подруга, всматриваясь мне в лицо.

— Садись! Я не заразный, если кровь не переливать. — Я похлопал рукой по скамье. — Погода чудесная, а мне врачи прописали свежий воздух и полное душевное спокойствие.

Настя, секунду подумав, села в полуметре от меня и напряженно замолчала. Я тоже не знал — с чего начать разговор. Упасть на колени и молить выйти замуж? Это надо было делать, пока был здоров! Почитать передовицу «Красноярской газеты»?

Моя решительность по поводу женитьбы как-то внезапно спряталась в какой-то темный угол, и я шарил в глубинах души, пытаюсь понять: что я вообще хочу от этой женщины? Месяц назад я ударил ее и изменил с ее подругой. Но она снова приехала ко мне! Внезапно мне стало противно. Я вдруг четко понял, что стоять перед ней на коленях я не буду никогда. Я и изменил ей так легко потому, что она для меня — ноль. Можно ли жить с человеком, который для тебя никто? Я к этому морально не готов. Пускай я потом буду ночами кусать подушку и умирать от тоски, но жить с этой женщиной я уже не смогу.

Она смотрела на меня и видела того Сергея, самоуверенного и наглого, богатого и красивого мужика. А я смотрел на себя, как на больного и несчастного ребенка, у которого на данный момент одна цель: не подвести шефа и постараться быть в норме. Зацепиться за тот вагон, из которого внезапно выпал, и не сдохнуть на обочине. И я не видел, как она могла мне в этом помочь. Этой женщине был нужен трахающий кошелек на ножках, а мне сейчас был нужен человек, готовый подставить плечо и которому я могу просто рассказать, как мне было больно и плохо! У меня нет денег. Мне нельзя трахаться и пить пиво. То есть нельзя ничего из того, что нас сближало. А Достоевского она мне вслух читать не будет. Умеет ли она вообще читать что-нибудь, кроме меню в кафе, вот вопрос?

— Впервые вижу тебя с газетой и небритым, — прервала Настя затянувшееся молчание. — Как себя чувствуешь? Ты знаешь: в электричке такой случай был забавный! Тетка одна начала чихать. Раз, наверно, двадцать чихнула. И весь народ постепенно перебрался в другую половину вагона! Она потом прочихалась. Глядь, а вокруг никого! А мужик там один говорит...

— Хреново я себя чувствую! — не дослушав ее пустую трескотню, честно признался я. — Записался к врачу, дали больничный, набрал лекарств. А в субботу лететь в командировку. Шеф попросил. Больше некому. Денег пока нет. Наверно, придется тачку продать. Даже не поездил! Не займешь штук двадцать до светлых времен?

— Откуда у меня двадцать штук? Шутишь? Для деревни двадцать — это как в городе двести! Так тебя, правда, клещ укусил? Там? В коттедже? Так вот, мужик там в вагоне говорит...

— Да. Я там в лес сходил прогуляться. Буквально на полчаса вышел — и на тебе.

— Это тебе наказание за то, что меня обидел! Вел бы себя хорошо — был бы сейчас здоров! Тебе побриться надо! А то не узнать с такой щетиной! — Надула губы Настя и наконец заткнулась про своего мужика в вагоне.

— Я много думал, пока в больнице лежал. И теперь даже не знаю: может, и неплохо, что заболел. А то был бы сейчас здоров, но продолжал бы жить как жил. Неправильно. А теперь вот у меня рука плохо работает. И нога. Глаза болят. Рот немного до сих пор кривой. Заметила? Язык, когда высовываю, смотри, что получается! А-а-а! Даже смешно! А я в этом никого не виню. Раз так случилось — значит, так и должно было случиться. А вчера чуть под машину не попал! С головой у меня проблемы потому что. Амнезия начинается. Шел куда-то, а куда — не помню. Очнулся уже под машиной. Снова повезло, что жив остался. А в будущем возможна эпилепсия и синдром Арнольда Борисовича!

Настя смотрела себе под ноги, и на ее лбу вдруг образовались две морщины. Она получила новую информацию и теперь мучительно соображала — что же делать? Видимо, она считала, что моя болезнь — это что-то типа насморка, и теперь, увидев перед собой такую развалину, раздумывала над тем: уйти или остаться. Как истинная женщина, которая не влюблена, но мужчина ее устраивает или, по крайней мере, до настоящего момента устраивал, она пыталась, как говорится, открыть в гей-клубе суши-бар, чтобы там можно было еще и рыбку съесть. Я наблюдал за ее реакцией и с каким-то внутренним удовольствием понимал, что относимся мы друг к другу одинаково: на два с плюсом по пятибалльной шкале. Не прочь продлить отношения, но и из окон, расставшись, как в том сне, прыгать никто не станет. Правда, она грозилась выйти замуж, но рать ее женихов как-то не бросалась в глаза. Видимо, и она упустила когда-то что-то в своей жизни. И уже вряд ли какой-то Ромео будет петь ей под окнами серенады и гулять при Луне, держась за пальчик. В этом мы с ней походим друг на друга. Ни у того больше не бабахнет, ни у другого.

— Мне надо купить яиц и хлеба! — вспомнил я. — Прогуляемся до магазина?

Я начал вставать, но подбитая нога обрела силу не сразу, я покачнулся и едва не упал.

— Знаешь, я на минуту всего забежала. Мне надо тут еще к двум клиентам, а потом домой. Мать просила помочь мусор сжечь в огороде. Давай, до связи. Выздоровлявай! Я тебе позвоню!

Она быстро поцеловала меня в щеку и пошла к остановке. Я даже не попытался ее остановить, а сидел и смотрел ей в спину. Метров через десять она обернулась и крикнула:

— Первого у меня был день рождения. Двадцать пять стукнуло. А ты даже не позддравил!

— Первого меня из больницы выписали. Не знал, за что хвататься. А ты даже не приехала! — безразлично парировал я.

Она хмыкнула и ушла. Я сходил в магазин, прикупил продуктов понажористее, сделал себе яичницу с ветчиной, съел ее прямо со сковородки и понял, что одному мне сейчас комфортнее. Как хорошо и спокойно бывает на душе, когда считаешь на скамеечке у подъезда «Красноярскую газету»!

Пятого октября, в среду, я встал поздно, побрился и принял душ. Вчера вечером, лежа в темноте и думая разные думы, я пришел к выводу, что мой последний приступ был спровоцирован лежанием в горячей ванне. Проверять справедливость данного постулата на практике я не рискнул, но лежание в ванной заменил прохладным душем. Насторожил в смартфоне пять будильников и пил свои многочисленные лекарства строго по расписанию. После завтрака глянул на хмурое октябрьское небо, оделся по погоде и снова пошел гулять. Дошел до самостоятельного базарчика, купил у теток сушеного шиповника и меда. Хотел дойти до поликлиники и отменить визит к минотавру, но посчитал дни и подумал, что если обратно тоже полечу на самолете и по забывчивости не выйду из него где-нибудь над забайкальскими горами, то к четырнадцатому числу успею вернуться. На обратном пути купил кистевой резиновый эспандер, положил его в карман куртки и попытался сжать его там левой рукой. Результат оказался смехотворным. Переложил эспандер в правую руку и смял резиновое колесико в комок. Переложил обратно в левую и начал сжимать и разжимать его настолько, насколько позволял давно убитый клещ.

Седьмого октября, в пятницу, я встал в одиннадцать часов. Больничная привычка беспробудно спать какое-то невозможное количество часов уже начинала меня реально пугать. Может, это такая реакция организма на заболевание? Организм выздоравливает и сам ищет себе оптимальный режим? Или просто я настолько расслабился, что десяти часов безмятежного сна мне уже недостаточно? Вчера я лег в десять вечера и попытался перед сном посмотреть телевизор, но вскоре заболели глаза.

Я положил на глаза мокрое полотенце и решил телевизор хотя бы послушать. И понял, что даже этого не могу. Как бы тихо я ни делал звук — настойчивые до наглости голоса, призывающие бесконечно что-то покупать, сверлили мозг и вызвали в нем болезненные ощущения. Я не хотел ничего покупать!

Я хотел быть здоровым и счастливым, и эти два понятия никак не были связаны с тем потоком деланного счастья, который изливали на меня с экрана дебилы, купившие новую бритву или телевизор, тащившие, усираясь, по пять каких-то цветных коробок с очередной распродажи, радуясь совсем не тому, чему радуются в жизни нормальные люди. Поэтому я выключил зомбоящик, приоткрыл окно и уснул под звуки вечернего города.

Когда на Часовенской горе выстрелила пушка, обозначая полдень, я пожалел, что она не стреляет еще и в полночь, и стал собираться на работу. Побрился, оделся как положено, проверил перед зеркалом наличие галстука и форму его узла, два раза вернулся, чтобы посмотреть, выключена ли плита, но перед уходом снова допустил ляп: уходя, щелкнул выключателем. И только тогда сообразил, что свет в коридоре все это время был выключен, а я его, наоборот, включил. Зараза!

Первым, как и следовало ожидать, мне на пути попался Вован. Он терся около новой девчонки, которая сидела за стойкой, где несведущий народ мог получить кредит от банка на покупку машины. Я называл это место «Уголком умалишенных». Увидев меня, Вован развязно поцеловал воздух в сторону оператора дебильного уголка, как бы давая понять, что тут мне делать нечего: он уже застолбил эту симпатичную женщину, и теперь она целиком и полностью принадлежит ему и только ему. Горбатого могила исправит. Или клещевой энцефалит.

— Привет болезным! Как ваше ничего?

Рука Вована безвольно трепыхнулась в моей ладони, даже не попытавшись сжаться. «У меня сейчас примерно так же левая жмет. Может, он ее для поцелуя протянул?» — противно подумалось мне.

— Спасибо. Почти здоров. Собираюсь в командировку.

— Слышал, слышал. Ну, шефа переубеждать бесполезно. У него свои тараканы в голове, — загадочно прошуршал мне в ухо Вован.

— О чем речь? Мне надо что-то знать, прежде чем я получу командировочные? — беззаботно произнес я, стараясь сделать вид, что плохими вестями удивить меня нынче трудно.

— Туда едет куча народу из Новосиба и Абакана. Наш представитель там совершенно не нужен. Но шеф думает, что если он подтянет тебя к работе, то ты быстрее встанешь в строй. Я ему пытался объяснить, что тебе надо отлежаться, но спорить с шефом — сам знаешь: дело неблагодарное. Так что считай, что наша фирма занялась благотворительностью и отправляет тебя подышать морским воздухом за казенный счет. Тебе там даже головой кивать не придется. Все уже давно решено, и генеральный просто подпишет договор. А ты потом принесешь ему кофе в постель! Ладно, не болей!

Он вразвалочку пошел по залу, на ходу доставая из кармана дорогого пиджака огромную лопату смартфона.

— Вован! — окликнул я его. — А как у тебя дети? В школу-то ходят?

Вован остановился, повернулся ко мне, нахмурился и как-то весь внутренне напрягся.

— А зачем тебе знать, в какую школу они ходят?

— Я не спрашиваю — в какую! Я просто спросил: все ли у них хорошо? Не болеют? Уроки не пропускают?

— Вроде бы нет. Старшая пошла в шестой класс, а младший сын — во второй. Кстати, хорошо, что напомнил. Надо позвонить бывшей, узнать — что Сашке к зиме подкупить.

— Ты с ними на каток ходишь зимой? — задал я еще один подозрительный вопрос, подходя ближе. — Мы с отцом в детстве плохо общались. Меня воспитывала в основном бабка. Отец все время работал, а потом вообще в Норильск уехал. Я бы сейчас с удовольствием сходил с ним на каток! Дети — они же все чувствуют. Ты не просто ему пальто купи. Ты с ним о его проблемах потолкуй! Второй класс — это же одни проблемы! А уж шестой...

— Сергей, зайди в бухгалтерию! — скрипнула над ухом секретарша, прерывая мой вдохновенный монолог.

— Иду, Татьяна Даниловна! Ладно, Вован, я полетел патрону кофе в постель таскать. Детям привет!

И я отправился вслед за Даниловной, стараясь не хромать и ровно держать спину.

Информация, которую сообщил мне Вован, странно взволновала меня. Оказывается, таким способом, напрягая и подкидывая дела, шеф просто лечил меня теми методами, которыми, видимо, и сам всю жизнь поддерживал в себе жизненный тонус. Волчок не падает, пока крутится! Что ж, может, мне и было бы полезнее полежать пару недель дома, но неоспоримый факт: такой стимул, как командировка ради встречи с иностранной делегацией, поднял мой упавший тонус сразу на два уровня. Ушли на задний план мысли о том, что жизнь — это унылое говно, а я — никому не нужная чурка дров. Мы еще повоюем!

Мне выдали командировочные и билет на самолет. Потом я зашел к шефу и получил от него последние наставления. Где-то Вован был прав: наша делегация прекрасно бы справилась и без меня. Хотя с другой стороны — я должен был смотреть, слушать и обязательно пожать руку японцам: для них личные контакты и симпатии порой важнее подписанных бумаг. «Наводить мосты с заделом на будущее» — как сказал шеф. Он не спросил, как я себя чувствую и какие пью таблетки. Он просто дал мне шанс умереть в бою или выжить. И я был ему за это благодарен.

Поездка оказалась утомительной, но насыщенной событиями и потому интересной. Долгий перелет до Владивостока, во время которого я прослушал половину аудиоверсии романа «Преступление и наказание», который скачал накануне. Встреча в гостинице с патроном из Новосибирска. Предварительные чтения договора и поиск в нем подводных камней. Сверка русского и японского вариантов с переводчиком. Текст договора занимал двести тридцать страниц, поэтому читали мы его по очереди почти всю ночь. Немного поспали, и к десяти утра поехали на встречу с японцами в заранее арендованный бизнес-холл.

Общение с хитрыми азиатами через переводчиков занимало уйму времени. Пару пунктов договора пришлось переписывать на ходу: их не устроила система оплаты, а нас — некоторые гарантийные обязательства с их стороны. Созвонились с банками и бухгалтериями, пришли к общему знаменателю и в восемь вечера подписали договор о поставках и официальном статусе нашей фирмы как дилера.

Обменялись сувенирами и долго трясли друг другу руки. Японцам требовался новый рынок сбыта, а нам — более дешёвые машины, для того чтобы прожить тяжёлые времена. В итоге все остались довольны и перешли в банкетный зал. Саке и водка потекли в процентном соотношении пятьдесят на пятьдесят.

Мне пришлось объяснять всем желающим налить мне алкоголь, что выпивка для меня сейчас равносильна хакакири. При слове «клещ» японцы закивали головами, зацокали языками и выразились в том смысле, что им знакома эта напасть и они очень мне сочувствуют и желают скорейшего выздоровления. Я поблагодарил всех за участие в моей скромной судьбе и подумал, что абсолютно чужие мне японцы выказали гораздо больше сочувствия и понимания, чем те же коллеги по работе.

Я все время вслушивался в свои ощущения, держа в кармане пиджака горсть разных таблеток. Полет на самолете. Другой часовой пояс. Другая еда. Бессонная ночь. Голова временами побаливала, иногда меня начинало потряхивать, и я чувствовал, что приступ может вот-вот повториться. Но, на мое счастье, он повторился лишь тогда, когда я был уже дома.

Одиннадцатого октября, в среду вечером, я бросил свою спортивную сумку на пол и упал на родную кровать. Я это сделал! Мы это сделали! Днем я в очередной

раз отзвонился шефу и сообщил, что мой самолет успешно приземлился в «Емельяново» и через пару часов я могу заехать к нему с докладом.

— Не торопись! В принципе, я все знаю, так что отдохни с дороги и приходи завтра со свежей головой!

По дороге домой я зашел в маркет и купил маленькую бутылочку пятизвездного коньяка, шоколад и фрукты. Вечером выпил жалкие сто грамм за успешную командировку, а ночью меня скрючила сорокаградусная температура. Я даже не успел дойти до углака хроника, как я теперь называл кухонный подоконник, на котором хранился увесистый мешочек с таблетками. Я протрясся почти два часа под одеялом, прежде чем смог добраться до воды и аптечки. Снова перед глазами плыли круги и по углам квартиры мелькали чьи-то тени, но мозг, привыкший к таким атакам, уже не визжал от ужаса, а молча терпел. И еще я заметил, что приступы стали короче, а чувствительность левой пятки почти восстановилась. В начале болезни на стопу словно было надето четыре тонких носка, а сегодня остался один. Еще трясясь ознобом, я с удовлетворением понял, что, как говорил Петров, — динамика положительная.

Утром тринадцатого я позвонил на работу и попросил у шефа еще один день отдыха. Тот сказал, что я вообще-то на больничном, поэтому он не настаивает, но надеется, что новое японское направление возглавлю я, а работы тут — поле непаханое. Я понял его старый метод вышибания клина клином и заверил, что одного дня мне будет вполне достаточно и завтра сразу после посещения поликлиники я приеду в офис.

Весь день я провалялся в постели, проклиная коньяк и свою минутную расслабленность, и к вечеру, съев полкило таблеток, почти пришел в норму. Завел будильник на семь тридцать и постарался провалиться в тяжелый мутный сон пораньше, чтобы завтра не проспять на прием к врачу.

Четырнадцатого октября, в пятницу, я, как и было велено, посетил двух врачей. Невропатолог, лысый пожилой дядька среднего роста, был полон юмора и здорового цинизма, что сразу подняло его авторитет в моих глазах.

Он провел полное обследование моего тела и духа, заставлял меня нагибаться вниз и в стороны, смотрел в глаза и водил молоточком перед моим носом, а потом бил им по коленям, задавал вопросы про личную жизнь и посоветовал пока писю не выбрасывать, а носить по примеру Папы Римского: тот тоже к женщинам не прикасается, но мало ли как жизнь повернет! Просмотрел список лекарств и витаминов, что я пью. Сделал свои рекомендации: что допить и больше не покупать и чем заменить то-то и то-то.

Похвалил за то, что я постоянно жму левой рукой эспандер, но от спортивного зала категорически предостерег, по крайней мере, до следующего лета. Я рассказал ему о своих приступах и о том, что мой сосед по палате лечился девясилом, крапивой и чагой. На это доктор заметил, что травы пить никому не возбраняется, но лекарства они все же не заменят.

— Скачки температуры могут продолжаться еще длительное время. Надо стараться убрать все провоцирующие факторы. У вас есть жена? Нет? Отлично! А нет ли у вас неких, так сказать, скрытных симптомов? — спросил вдруг лысый, хитро глядя на меня поверх очков и при этом не переставая делать записи в моей медицинской карте. — Ну, к примеру, рассеянность, забывчивость, вспышки ярости из-за каких-нибудь пустяков?

«Как он умудрится писать, не глядя на бумагу?! — подумал я мельком. — Дай мне сейчас лист бумаги и ручку — я буду полчаса вспоминать, чем Б отличается от Д! А этот шпарит не глядя!»

— Честно говоря — есть, — нерешительно сообщил я.

— На приеме у доктора надо говорить только честно! — приободрил меня лысый. — Итак?

Я рассказал ему о моих проблемах с памятью и даже живописал случай, когда я чуть благополучно не окончил дни под колесами автомобиля. А не далее чем сегодня утром я три раза подходил к шкафу, открывал створку, тупо пялился на вещи и не мог вспомнить, зачем же я его открыл? Хотя стоял перед ним без носков! Врач внимательно меня выслушал, взял из ящика своего стола несколько предметов и положил передо мной.

— Что вы видите перед собой? — ласково спросил он меня. — Опишите эти предметы!

— Зеленый кубик. Красный кубик. Желтый кубик. Спичечный коробок. Ластик.

— Замечательно! А теперь положите их друг на друга так, чтобы желтый кубик был ниже красного, но выше зеленого, а коробок был между красным кубиком и ластиком!

У меня зарябило в глазах. Я стал по-дебильному перебирать детские пластмассовые кубики, не зная, как подступиться к неожиданной задаче. Через минуту доктор повторил свое задание, и после долгих усилий я все-таки сложил предметы в необходимой последовательности.

— Я даже представить себе не мог, какой я идиот! — грустно констатировал я. — Это лечится? Или так и буду теперь до пенсии кубики собирать?

— Напрасно вы так расстраиваетесь! — принялся успокаивать меня врач, словно перед ним сидел пятилетний малыш, и это расстроило меня еще сильнее.

— Это вполне нормальные последствия вашего заболевания. Ваш мозг частично поражен вирусом. Я не буду вам рассказывать про строение лобных долей и мозжечка. Скажу просто: вам необходимо лечиться. Все лекарства у нас в наличии. Их надо пить строго по расписанию! Не пропускать ни одного дня! Никаких физических нагрузок! Кистевой эспандер? Да, это можно и даже нужно, я вам это уже говорил. Никакого алкоголя! Никаких нервных срывов и переживаний! Вы пробудете на больничном еще минимум месяц. Потом мы с вами снова встретимся и решим, что делать дальше?

Я медленно шел домой и усмехался: знали бы японцы, что в российскую делегацию затесался идиот, полчаса собирающий три кубика! Как я вообще исхитрюсь не теряться в городе, когда выхожу из дома по делам?

Я остановился купить яблок и, покуда ждал, когда худая конопатая тетка выберет себе килограмм мандаринов помягче, две груши посочнее и два банана пожелтее, отправил сообщение Насте: «Врачи на полгода запретили трахаться. Прощай!» Пока рассчитывался за яблоки, в телефоне звякнул ответ. Я дошел до знакомой и уже родной лавочки у подъезда, достал телефон и прочитал: «Ну тогда позвони через полгода!» Мне стало смешно. Молодец, Настя! Настоящая боевая подруга. В беде не бросит. Добьет.

Я отнес яблоки домой, попил чай и поехал в офис. Сдал в бухгалтерию все документы и побеседовал с шефом. Тот, конечно, знал об этом мероприятии уже едва ли не больше моего, но я добавил красок в его картину, описав некоторые подробности в общении с переводчиками, расписав красоту Океанского проспекта и огромное количество китайцев в городе.

Узнав, что мне на месяц продлили больничный, шеф нахмурился, но я поспешил заверить его, что сойду с ума от такого длительного безделья и готов приступить к работе в понедельник. Может, не на полный рабочий день, но, по крайней мере, сидеть в онлайн и работать с документами по новым японским машинам я готов.

Шеф удовлетворенно кивнул головой и подтвердил, что японцы отныне на мне целиком и полностью. Он разрешает мне взять хоть одного помощника, хоть пять,

по своему усмотрению, но фонд зарплаты будет формироваться из той прибыли, что эта работа принесет фирме. Я сдержанно кивнул, хотя внутри у меня пели соловьи: о такой самостоятельности год назад я даже не мечтал! Главное — чтобы не подвело здоровье!

Семнадцатого октября, в понедельник, позвонил отец и сообщил, что хочет прилететь повидаться и поставить памятник на могиле своей матери. Десятинадцатого вечером он снова перезвонил и сказал, что остановился на съемной квартире и ждет меня завтра утром для поездки на кладбище. Я передвинул поездку на обед, а утра сгонял на работу и сделал там все, что планировал, меньше чем за два часа.

Узнал, что Олег написал заявление на увольнение и работает в фирме только до конца месяца. Мне было жаль расставаться с единственным приличным сотрудником, с которым можно было поговорить на любые темы, не опасаясь, что через час о темах разговора будет известно половине аула. Но Олег сказал, что решил окончательно перебраться в деревню из этого сумасшедшего города. Там ему предлагают работу в открывающемся супермаркете на въезде в деревню, поэтому свою городскую квартиру он сдаст в аренду и переедет к Тоне. Я поздравил его с такими кардинальными переменами в жизни и пожелал удачи.

После обеда мы встретились с отцом, съездили на кладбище и заказали памятник. Все расходы оплатил отец. Потом мы долго сидели с ним в «Перцах», не торопясь обедали и разговаривали за жизнь. Лазанью запивали: он — пшеничным пивом, я — зеленым чаем. Выглядел отец после отпуска на юге замечательно и ничуть не изменился за те годы, что я его не видел. Впрочем, не изменился он и внутренне: мои дела его совершенно не интересовали. Как только я начинал рассказывать про свою новую болячку или продвижение по службе, он начинал зевать, пялиться по сторонам на молоденьких официанток и невпопад кивать головой. Через три дня памятник был готов, подписан и установлен. Отец пробыл в городе еще пару дней, сходил в театр, навестил старых приятелей, два раза зашел ко мне в гости, а потом снова улетел на свой любимый Север.

Первого ноября, во вторник, поздно вечером я сел за руль своей «Селики» и прокатился сначала по микрорайону, а потом и по проспекту. Дорогу покрывала первая в этом году коварная ледяная корочка, поэтому ехал я очень осторожно, пытаюсь прочувствовать новую машину, привыкнуть к управлению и вспомнить названия дорожных знаков. Поездка закончилась вполне успешно: аварий я не наделал и ни одна бабушка на пешеходных переходах не пострадала. Машина мне очень понравилась легкостью управления и добротным запасом мощности мотора, но теперь следовало подумать о покупке шипованной резины.

К счастью, на этот момент у меня уже отпала острая необходимость в продаже этой машины. Я получал полную зарплату и готовил начало продаж японских автомашин в отдельном выставочном зале. Дел было много, и под вечер я сильно уставал.

Однако организм медленно, но верно возвращал себе утраченные в бою с вирусом позиции. С левой ноги снялся последний носок и чувствительность восстановилась на все сто. Глаза почти перестали болеть, но по привычке я больше не смотрел телевизор, а только стирал с него временами пыль, а в свободные вечерние часы слушал через наушники различные аудиокниги. Жизнь постепенно входила в свое обычное русло.

На другой день я впервые приехал на работу на своей машине, которую тут же высоко оценили сослуживцы. А я вспоминал Петины слова о том, что за такой драндулятор в деревне засмеют, и к похвалам остался равнодушен: машина как машина. Тут же загнал ее в мойку, где какой-то студент отмыл ее с шампунем от двухмесячной пыли. Студенту я дал три сотни мимо кассы и пожелал удачно сдать приближающуюся сессию.

Восьмого ноября мне позвонил Петя и сказал, что ему не терпится отдать мне деньги за лекарство. Как я ни отнекивался — парень был тверд в своем решении и отказы воспринимал как оскорбление. Пришлось дать ему свой адрес и выйти его встретить. Приехал Петя с братом на той же машине, на какой уезжал из больницы. Оба сердечно меня поблагодарили за то, что пожертвовал свои ампулы незнакомому человеку. Петя отсыпал мне монет, а его брат вручил мне огромную тушу бройлера, которую я потом кое-как разделал, засунул в морозильник и полтора месяца питался ароматным куриным бульоном с сухарями.

Двенадцатого ноября я взял две тысячи из Петиних денег, съездил в баптистский «Дом молитвы» на Партизана Железняка и засунул их в ящик с прорезью. Ко мне пытались приставать какие-то женщины, но я только сказал, что это моя благодарность сестре Галине, которая работает медсестрой, а сам я — человек неверующий. Мне все-таки вручили книжку с надписью «Евангелие», после чего я вырвался из их цепких лап и скрылся в глубине своего автомобиля.

На этом мои приключения, связанные с клещом, можно было бы считать оконченными. Меня выписали с больничного, хотя, как будто специально, со мной в тот же день снова случился небольшой приступ. Час меня трясло в ознобе, но температура не поднялась выше тридцати восьми, и утром я вовремя появился на работе, хоть и чувствовал целый день слабость, а колени слегка дрожали.

Иногда я по привычке лазил по сайтам знакомств, но вживую ни с кем из женщин не общался. Мысли о женитьбе посещали мою голову все реже: все-таки верно говорят, что человечеством управляют гормоны. А мой гормональный фон после болезни стал разительно другим. Все время стала занимать работа.

В офисе я стал подменять шефа, когда он уезжал в отпуск на Камчатку или в командировки в Москву и Новосибирск. За зиму я с помпой провел три презентации новых моделей, когда, стоя с микрофоном в руке, видел в числе зрителей Вована, который прямо на моих глазах каждый раз облазил и очень неровно обрастал. Но мне было не до мелких склок: я выводил фирму на более высокий уровень.

В один прекрасный январский день я прямо сообщил Вовану, что движения его нижней части туловища меня совершенно не возбуждают, поэтому, если он готов работать в команде и ради команды, — мы шагаем в светлое будущее вместе. А если не готов — то светлое будущее поплачет, но переживет невосполнимую потерю. Вован почесал мозг и сделал правильный выбор. С тех пор у нас с ним не случилось ни одного конфликта. Как работник он меня устраивал на все сто, а что он думал про меня и в какие части тела при свечах втыкал ножами иголки в куклу по фамилии Сережа — мне было совершенно безразлично.

Наши продажи уверенно поползли вверх. Дважды пришлось съездить в Японию. После этих командировок я осознал, что мне не хватает знания японского языка и записался на соответствующие курсы при педагогическом университете. Пара японцев, с которыми я плотно общался на тему поставок машин и запчастей, неплохо владели русским, и я решил, что мы должны быть не хуже. С японцами сотрудничать оказалось гораздо продуктивнее, чем с англичанами. Шеф и тут был прав: пара рукопожатий и бутылка саке, выпитая с этими парнями под суши и маринованный имбирь, оказывались гораздо продуктивнее, чем полгода официальных переговоров с англосаксами. Наша фирма медленно, но верно перестраивалась на продажу и обслуживание японских автомобилей.

На Новый год мне пришло сообщение от Насти, из которого я с удивлением узнал, что она скучает и ждет, когда закончатся злосчастные полгода. С кем она скучает и как ждет, я примерно догадывался, но ответил, что к Восьмому марта готов сделать ей незабываемый подарок. На Новый год она, коза бодучая, так и не приехала. Якобы справляла праздник с мамой. Я сделал такое лицо, словно поверил,

и с удивлением понял, что муки ревности для меня — пройденный в жизни этап. Однако у нас снова завязалась переписка. Приезжать ко мне она принципиально не рвалась, да и у меня дел хватало без нее: только командировки в Японию заняли едва ли не месяц. Но мало-помалу мы с ней дописались до того, что мне оказалось деваться некуда, кроме как ехать к ней в деревню поздравлять с международным женским днем. Вскользь она сообщила, что ее мама давно хочет со мной познакомиться, а Олега с Тоней она регулярно видит, радуется их семейному счастью и тихо им завидует.

Седьмого марта, во вторник, я встал в девять утра, позавтракал, пешком прогулялся до станции, сел в электричку и поехал к своей почти невесте. Было понятно, что ждут меня там не вату покатать, а в качестве жениха. Что ж! Значит, так тому и быть! В конце концов знаем мы друг друга уже давно. Да, любовью друг к другу не пылаем, но, видимо, ничего лучшего у меня уже не будет. И, судя по Настиным последним сообщениям, у нее тоже. Думаю, что, если бы у нее был другой вариант, она бы давно дала мне от ворот поворот. А сегодня она посмотрит на мое физическое состояние, поинтересуется состоянием дел на работе и поймет, что третий сорт — не брак.

По дороге до станции я купил букет цветов, бутылку красного вина и коробку конфет. Цветы седьмого марта не продавал только ленивый, поэтому выбирать было из чего. Все полчаса сидения в вагоне я представлял себе, как меня на пороге встретит нарядная Настя, как я буду знакомиться с ее мамой, а потом останусь в ее доме до воскресенья. Две ночи мы будем целоваться. Два дня будем ходить в баню, жарить шашлыки и пить вино. Наверно, даже я нынче рискну и выпью грамм сто сухого для проверки крепости организма. И, скорее всего, к лету мы поженемся.

За все три недели она ни разу в больницу ко мне не приехала? Так сам виноват! На Новый год осталась якобы с мамой? Тоже не криминал. Я у нее вообще ни разу не был! А когда у нас кто-то родится, то все в наших отношениях разом изменится до неузнаваемости. Настя растолстеет, в моей квартире будет вонять ссаными пеленками. Придется все-таки покупать стиральную машину. Мне скоро осточертеют детские крики и ненакрашенная толстая баба, которая будет вытрясать мой кошелек и выдавать мне две сотни в день на обед и бензин. Я начну пить и в командировках таскать в гостиницы баб, а она уедет обратно в свою деревню к маме. Тьфу, о чем это я!?

Выйдя в Зыково, я попал в настоящую зиму. В городе дороги были уже сухие и снег лежал только на газонах в тени домов, а тут еще не начинало таять! Скользя в своих модных полуботинках, я кое-как дошел по плохонькой дорожке от станции до центральной улицы и двинулся вдоль неказистых деревенских домишек: как добраться до ее дома — Настя мне подробно описала. Где-то тут, в этой глубинке, обитают Тоня с Олегом, Лена, Юля. А что если я сейчас встречу Юлю? Как она отреагирует? Сделает вид, что мы незнакомы и пройдет мимо? Или остановится поболтать? И как тогда реагировать мне? Где же она работает? Кажется, она что-то говорила про библиотеку. Школьную библиотеку. Где же тут школа?

Внезапно мне до невозможности захотелось узнать, где тут местная школа? Увидеть то, что Юля видит каждый день. Увидеть ее такой, какая она в обычной жизни. Хотя скорее всего, если я ее сейчас и встречу, то даже не узнаю. Тогда было лето, а теперь все закуталось в шубы и пальто, съежились и сморщились от долгого холода. У кого бы мне спросить про школу?

Улица была почти пустыня. Ездили туда-сюда машины, а единственный пешеход виднелся метрах в ста: мужик, открыв ворота, перекидывал себе во двор машину колотых дров. Рядом я увидел вывеску «Хозтовары» и толкнул кривую дверь павильона. Внутри было почти так же холодно, как на улице. Где-то под прилавком гудел невидимый вентилятор. Продавщица сидела в подсобке, но, услышав,

что кто-то зашел в магазин, вышла и встала перед кассовым аппаратом. Я увидел, что это беременная женщина месяце на восьмом, насколько я разбирался в таких вещах, в короткой старой дубленке и цветастом платке на голове. Все это я оценил мельком, за секунду, и, перекладывая букет из руки в руку, спросил:

— Простите, а вы не подскажите, где тут школа?

Она молчала. Я озадаченно глянул на нее. Баба тупо тарасила на меня свои прищуренные после темноты глаза, и я сначала подумал, что не такая уж тут и глухомань, чтобы вставать столбом при виде нового лица. Ну да, такие представительные мужчины в норвежских красных куртках за пять сотен баксов заходят в ее забегаловку не каждый год! Может, она немая? Или пьяная? Легкий запах пива я уловил еще при входе: как у любого непьющего мужика нюх на алкоголь у меня развился отменный. Я глянул на нее еще раз и уже повернулся уходить, но что-то в ее взгляде меня смутило. Насторожило. Показалось знакомым. Знакомым до остановки сердца! Бабах!

— Юля?

Она ошарашенно смотрела на меня еще несколько секунд, потом махнула рукой куда-то в ту сторону, куда я направлялся, и ушла обратно в подсобку. Что-то мягко стукнуло мне по ногам. Я автоматически поднял букет, выпавший из вдруг снова ослабшей левой руки, вышел из павильона и пошел в сторону Настиного дома. Судя по номерам домов, до него оставалось еще двенадцать изб. Пройдя метров сто, я остановился, постоял, потом развернулся и быстрым шагом вернулся в павильон.

— Юля! — крикнул я внутрь. — Это ты? Это же ты! Ты же говорила, что в библиотеке работаешь?

— Я уволилась! — донесся из подсобки ее бесстрастный голос. — Что перед детьми-то позориться?

— Так это... Это из-за того раза?

Я не мог подобрать слова. Мысли прыгали как зайцы, воспоминания перемешивались с бредом и мечтами.

— А ты что тут делаешь? — спросила она, выходя ко мне и вставая ближе к тепловентилятору.

— Я? — Я тупо уставился на букет и пакет с конфетами.

— Ладно уже, шагай к своей Насте! Сейчас снова врать начнешь! Нужен ты нам триста лет! Проживем без тебя!

От нее несильно, но явственно попахивало табаком и алкоголем.

— Почему ты ничего не сообщила? У тебя же есть мой номер! Я же писал тебе!

— А о чем писать? Захотел бы — приехал. Писатель! Привык, что за тобой бабы бегают! Вали, пока мой отец не пришел! Он если тебя поймает, убьет насмерть.

— Я позвоню! — пообещал я, не зная, что тут еще можно добавить.

В павильон зашла какая-то женщина и стала выбирать себе пленку для парника. Я вышел из магазинчика и пошел вдоль улицы. Мое лицо горело, а мысли никак не могли собраться в кучу. Как же так! Пока я там умирал и не знал, ради чего жить, она тут одна живет и скоро родит мне ребенка! А я иду к Насте праздновать Восьмое марта и знакомиться с будущей тещей! Боже! Дай мне силы разобраться в ситуации! Богатым же на события оказался тот сентябрьский денек!

Дойдя до нужного дома, я, прежде чем надавить на кнопку звонка, протер лицо снегом и постарался успокоиться. Во дворе залаяла какая-то дворняга. Через минуту за высоким забором послышались шаги, и частично нарядная Настя открыла мне калитку:

— Как ты рано! Я еще не приготовилась! И стол еще не готов! Ты чего не позвонил? А чего такой взъерошенный? Тебе плохо! Красный весь. Сейчас винца дерябнем, вечером в баньку сходим — и все как рукой снимет!

— Да... — махнул я рукой, проходя мимо задыхающейся от лая шавки на цепи.

— Скоро придут Тоня с Олегом и еще одна пара. Ты их не знаешь. Мои одноклассники. Хотя — какой там скоро! А сколько время-то? На праздничный обед мы сделали голубцы, утку в духовке и три салата. Да! И холодец! Раз уж ты приехал так рано, будешь нам помогать накрывать на стол!

Она с удовольствием поцеловала меня в губы и потащила за собой. Я прошел в дом и разулся в прихожей. Она выдала мне какие-то стоптанные шлепанцы, которые прекрасно гармонировали с моим деловым костюмом. Настя болтала о каких-то своих делах и заботах, таская на праздничный стол миски, тарелки, ложки и рюмки. После полугода деловых разговоров на работе и домашнего затворничества мой мозг от такого количества бессмысленных слов мгновенно пришел в состояние ступора.

— Мама пошла в магазин. Скоро придет. Ты тут пока телик посмотри, а я накрашусь! Все бегом! Вот они — праздники!

Она включила мне телевизор, а сама ушла в дальнюю комнату. Потом выплянула из-за двери и поманила меня рукой. Я подошел и встал в проеме, который оказался на два сантиметра ниже моей макушки.

— Спать будем сегодня с тобой тут! — возбужденно прошептала она, снова смачно впилаясь в мои губы и вытолкнула из комнаты: — Иди пока, поскучай! Я скоро! Не подглядывай!

Я сел перед телевизором, уставился в экран и начал смотреть документальный фильм про Юлю. Про то, как она ходит в женскую консультацию. Пьет с горя дешевое вино и курит, хотя знает, что это вредно для ребенка. Возможно, потому и пьет, что знает! Плачет по ночам и выслушивает точку зрения отца по поводу женщин, думающих жопой, а не головой, и потом всю жизнь мотающих сопли на кулак. Увольняется из школьной библиотеки, чтобы было меньше деревенских пересудов, и устраивается продавщицей в ларек, в котором зимой ноги мерзнут даже в валенках. Потом возьмет у какой-нибудь подружки старую коляску, в которой та уже восемь лет возит дрова от сарая до избы, протрет ее мокрой тряпкой, завернет моего сына в старую дерюгу и повезет на прививку к местному ветеринару. А мимо в этот момент проедет свадебный кортеж, и Настя, узнав из окна бывшую подругу, мельком покажет ей из окошка средний палец.

— А вот и я! — Настя выскочила из своей комнаты и крутнулась передо мной, показывая себя со всех сторон, а потом ловко притопнула каблуком. — Ну как? Серж! Ты чего?

Я тупо смотрел на ее лакированные туфли на шпильках и не мог больше смотреть ни на что в этом мире. Отметил только, что подруга за те месяцы, что мы с ней не виделись, добавила к своей фигуре много нового, особенно в районе талии. Весь мир вдруг стал мне мерзок и противен. А Настя — вдвойне.

— Серж! Что случилось? Плохо?

Я встал с кресла, мельком глянул на нее и отвел глаза. Настя молчала. В ее молчании не было ни капли сочувствия. Я снова глянул ей в глаза и догадался, что она все поняла. Ледяной взгляд проткнул меня насквозь. Уже можно было ничего не говорить, но я набрал воздуха в легкие и все-таки решился.

— Я сейчас Юлю видел, — выдавил я наконец.

— И что? — жестко и даже с ненавистью прошипела она. — Увидел и решил, что раз она с пузом ходит, то это твоя работа? Да ее тут кто только не паялил! Серж! Успокойся!

— Ты знала? Ты же все это время знала, что она залетела, и ничего мне не сказала!

— Да мало ли кто от кого залетел? Если мозгов нет — кто ей виноват? Она же чокнутая! Ее тут вся улица трахает! Вся деревня! Я должна была тебя оповещать? А она — не должна?

— А ты что — всей деревне свечки держишь? — тихо сказал я и понял, что нахожусь на узеньком гребне горы. Сейчас одно слово — и я укачусь или в одну сторону, или в другую. Еще есть шанс промолчать и спустить тему на тормозах. Обнять Настю, сослаться на шум в голове, дожидаться маму и гостей, а завтра сходиться с Настей в баню и смыть все лишние мысли. Мало ли кого я когда тер! На всех сейчас жениться? Передо мной стоит без пяти минут невеста, а я веду себя как последний идиот! А если бы я не зашел в тот павильон? А если бы не потащился с ней тогда на гору? Если бы... Но в жизни нет сослагательного наклонения. Как там в песне поется: «А мир устроен так, что все возможно в нем. Лишь после ничего исправить нельзя».

— Пошел вон!

Я замахал руками, пытаюсь сохранить равновесие и удержаться на гребне еще хоть минуту. Ведь я пока не сказал того слова, которое бы выбрало — куда мне катиться. Или сказал, да не заметил? Но почва ушла из-под ног, и я скользнул в пропасть, даже толком не успев этого понять.

— Катись к своей Юле! Идиотина!

И, чтобы я быстрее катился, Настя так же, как и в тот раз, врезала мне ногой в пах.

Я отскочил в коридор, а мне вслед летели тарелки и отборные русские словечки. На этот раз она попала точнее. Меня крючило, но я быстро впрыгнул в свои полуботинки, схватил куртку, барсетку, шапку и выскочил во двор. Калитка в этот момент приоткрылась, и с улицы сквозь нее стала пролазить невысокая шарообразная женщина лет шестидесяти, груженная сумками и пакетами. Пес взрыл смесь снега с дерьмом и шерстью и с хрипом прыгнул в мою сторону. Повис на цепи, крутнулся на триста шестьдесят градусов и рванул параллельно мне к калитке, задыхаясь тупой злобой цепного кобеля.

— Здравсьте! — крикнул я изумленной женщине и выскочил на улицу.

— Здравсьте! А вы э-э-э... Настя! Это кто?

Сзади раздался последний Настин возглас, из которого я понял, что отныне она предпочитает скорее мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации, чем меня, и вообще мне отныне тут не очень рады.

Пробежав метров пятьдесят, я перешел на быстрый шаг, а потом и вовсе остановился отдышаться и унять боль в паху. Кто ее учил так лягаться? Надо было снова ей по соплям смазать! Хотя хорошо, что не смазал.

И вообще, все у меня в жизни стало вдруг хорошо и правильно. Ведь знал, что что-то не то! Чувствовал! А все одно совал голову в эту ароматно намыленную петлю! Ну какая мы с ней пара! Я не люблю эту женщину и не любил, видимо, никогда. Но теперь вопрос в другом: люблю ли я Юлю? И не запрыгну ли из одной петли в другую? Может, самое разумное в данный момент — сесть на автобус или электричку и свалить от греха, пока не набежали Настины одноклассники со штaketинами?

Думая разные невеселые думы, я дошел до павильона хозтоваров и увидел на двери большой замок. Под дверями стояли две теткы, судачили о чем-то своем и поглядывали на часы. Видимо, у Юли был обеденный перерыв. Я подошел к теткам и поинтересовался, когда откроется магазин.

— Дык должен быть открыт, а ее чет нету! — ответила мне одна из женщин и добавила: — Пойти в окошко ей постучать, что ли? У меня ремонт идет. Мужики за пеной отправили, а она шляется где-то.

— А где ее окошко? — спросил я.

— Третий дом по той стороне! Вон, где пень торчит рядом с палисадом! — Показала мне рукой вторая женщина, с интересом сканируя меня своими хитрыми глазками.

Мне все равно надо было идти на станцию мимо этого дома. Я не торопясь пошел по обочине дороги, выбрал момент, когда поток машин иссяк, перешел дорогу и, протянув руку через край забора, постучал в указанное окно. Я не знал, что я ей скажу и что сделаю. Мы не виделись семь месяцев с того самого дня! Я совершенно не знал этого человека! Зачем я стучал в это окошко с распахнутыми зелеными ставнями, крашенными зеленой масляной краской еще в прошлом веке? Она же знает, что я приехал к Насте! Это же деревня! Тут все знают всё про всех. Я тут чужой, как раковая клетка в здоровом организме. Мое место — среди таких же раковых клеток в городе. Там хуже уже никому не сделаешь, а тут к чему ни прикоснешь — все превращается в ледышку.

Занавеска на окошке слегка качнулась, и через пару минут во дворе послышались шаги. Воротина отъехала в сторону, и ко мне вышел высокий, худой, небритый мужик годов пятидесяти в валенках, ватных штанах, меховой безрукавке и потертом кроличьем треухе.

Он подошел ко мне и коротко без замаха саданул мне правой рукой в челюсть. За долю секунды небо и земля три раза поменялись у меня в голове местами, а потом что-то тяжелое ударило по лопаткам так, что у меня перехватило дыхание.

Через пару секунд я понял, что это я ударился спиной о землю и лежу, разглядывая весеннее небо и пытаюсь остановить головокружение. Небо постоянно закатывалось мне под лоб вместе с глазами, и мне пришлось несколько раз закрыть и снова их открыть, чтобы тучка наконец остановилась в зените надо мной.

— От Юли тебе привет! — услышал я над ухом.

Я с трудом сел и огляделся. Калитка закрыта. Рядом никого нет. Я поднялся, снял куртку, стряхнул с нее налипший к спине грязный снег, снова надел и пошел на станцию. Ноги плохо двигались и очень болел затылок. Плохо соображая, я добрел до платформы и увидел, что на ней толпится народ. Зашел в здание кассы и узнал, что электропоезд прибывает через шесть минут. Взял билет, дождался поезда и поехал искать счастье в другом месте.

Знать бы еще — где оно, это место!

